

ТЕТРАДЬ
РАССКАЗЫ

для _____

учени _____

класса _____

школы _____

НАТЕ

18+
содержит
нецензурную брань

№9

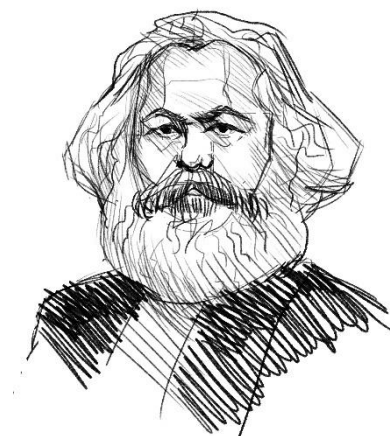
литературный журнал

05|24

НАТЁ

рассказы

18+
содержит
нецензурную брань

Главный редактор: Мария Тухто
Редакционная коллегия:
Юлия Афонина
Ирина Бондырева
Ада Насуева
Александра Сулова

Дизайн макета:
Светлана Подаруева
Дизайн портретов: Алина Кольцова

Иллюстрации:

Елена Антар	Валерия Жданова
Яна Аршинова	Вика Левотаева
Габриель А. Бернадотт	Виктор Лукьянов
Анна Боронина	Елена Махонина
Мария Данилова	Светлана Подаруева
Анастасия Дорожкина	Ольга Н. Регхай
Лиза Ермакова	Анастасия Эмиль

Верстка: Мария Тухто

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru
Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru
Сайт: <https://nate-lit.ru/>
Мы в социальных сетях:
https://t.me/NATE_lit
Boosty: <https://boosty.to/glavvred>
Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

Рукописи не рецензируются.
Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

© Литературный журнал «Нате» 2023–2024

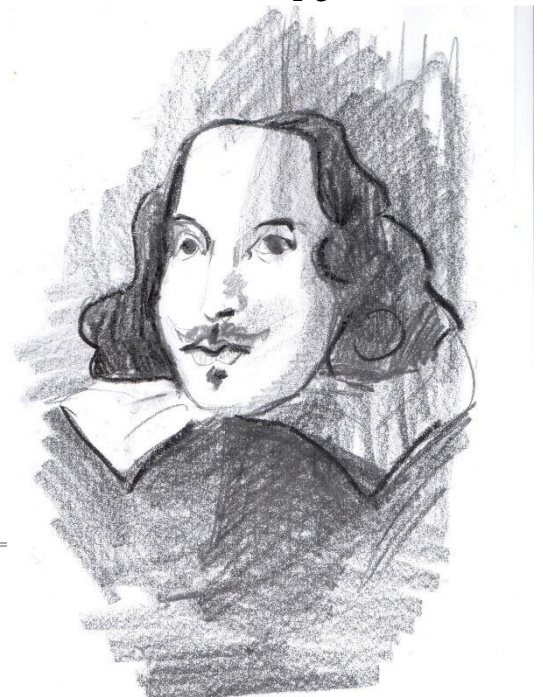
В девятом номере герои рассказов путешествуют по Земле и отправляются в космические одиссеи, влюбляются в людей и идут на контакт с ИИ, пишут картины и ремонтируют автомобили, сбегают в мир фантазии и смотрят в лицо реальности, работают журналистами и переводчиками, увлекаются ролёвками, упиваются детскими воспоминаниями, раскачиваются между смирением и бунтом, слетают с катушек, выстраивают (меж)поколенческие диалоги, на свой лад пересказывают легенды, рассуждают о жизни и смерти, о памяти и забвении. Художественная проза перемежается автофикшеном, реализм — средствами модернистской условности.

Мария Тухто

Выбирая цветовую гамму для нового номера, мы отталкивались от двух факторов: нежность весны и... новый цвет года от Pantone.

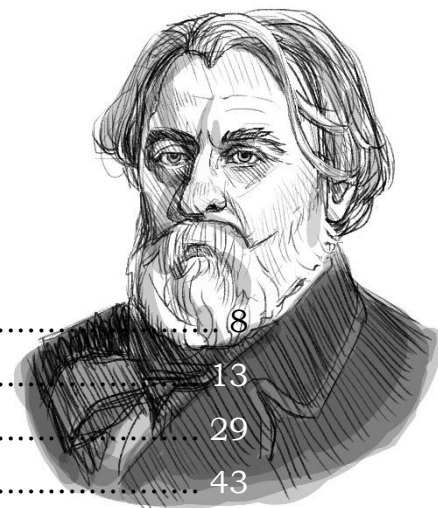
В работах хотелось передать весеннюю атмосферу, её сложную, не лишённую холода (отсюда оттенки голубого) осязаемость. Универсальная «природная» гамма отлично подошла под все жанры и стили рассказов. Упор делался на портреты, глубину чувств, взгляды и эмоции: их оттеняют растения и цветы.

Светлана Подаруева

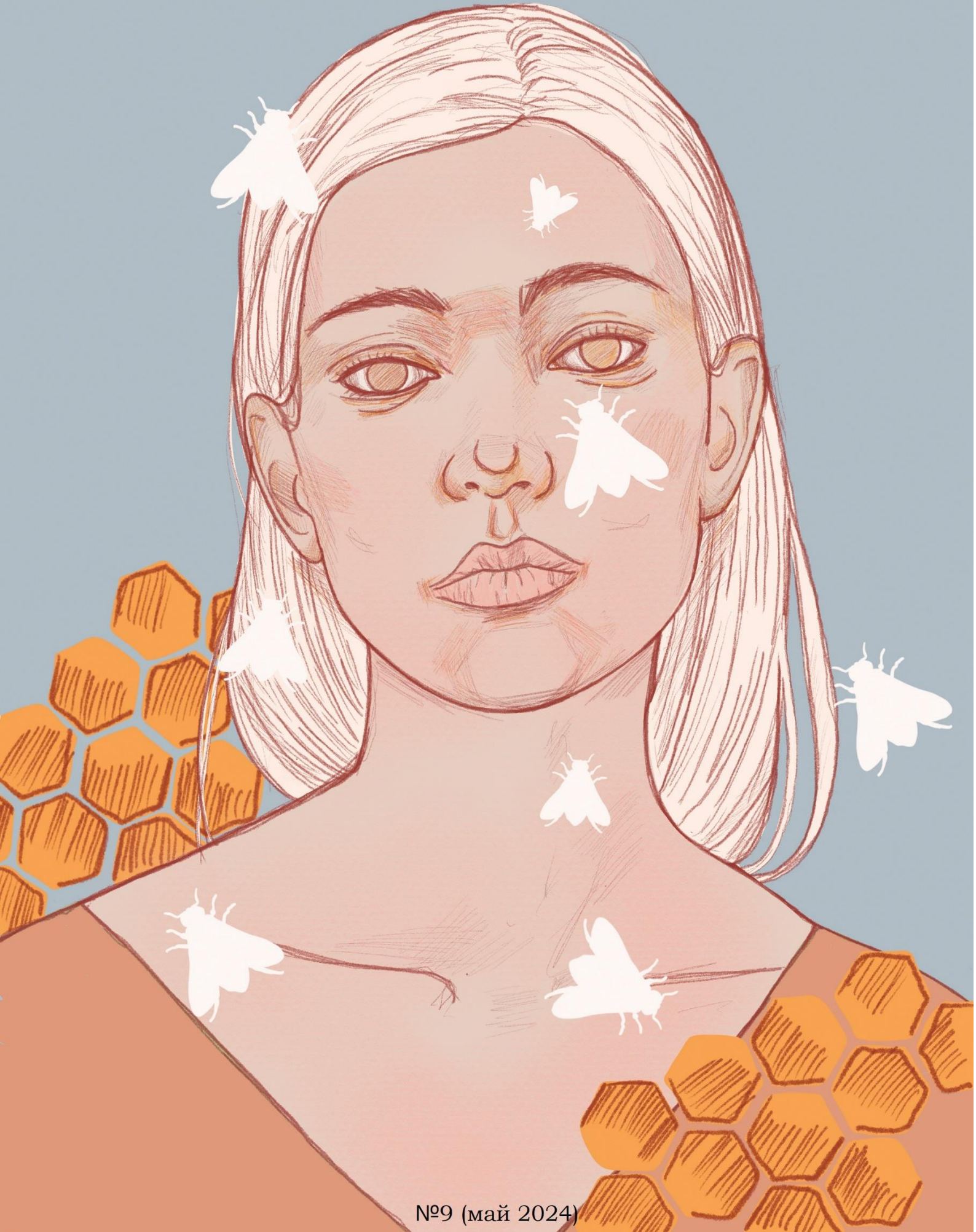
Содержание

Серафим ОБРАЗЦОВ: Волки да вороны	8
Аня КИЗИКОВА: С нуля	13
Кира ВЕТРОВА: В пути	29
Никита НЕМЦЕВ.....	43
Анна ШНЕЙДЕР: Еще раз вокруг Земли	52
Владимир КАЛАШНИКОВ: Приключение.....	62
Анастасия ПЕТРОВА: В 2022 году н.э.....	74
Митя САВИНЦЕВ: Хентай подержанных автомобилей	88
Арина СЕМЧУГОВА: Ятебедам	98
Катерина СПИРИДОНОВА: Переводчик	105
Меланлия ФРУСТ: Усадьба.....	111

СЕРАФИМ ОБРАЗЦОВ

Мне 19 лет, родился в Калуге в семье священника. Поступал в лит. институт, сдал этюдный экзамен на 100 баллов и получил комментарий «Вы талантливы», но завалил ЕГЭ по литературе. Сейчас учусь на калужском Филфаке, и мне всё нравится

ВОЛКИ ДА ВОРОНЫ

Зимой я часто вижу отца. Его колючее и бледное лицо, потрепанную рясу с катушками и серебряный крест с чернотой в углах, который обжигал губы холодом, когда я прикладывался к нему. Отец умывал лицо снегом и учил меня этому, и сколько бы он ни появлялся дома, руки у него были холодноватые — это я хорошо помню. Когда мы спали вместе, он отдавал мне холодную сторону подушки, а сам спал на нагретой, и та постепенно охлаждалась. Потом мы менялись. Отец остужал мне подушку несколько раз за ночь.

Когда я иду куда-то зимним вечером, всё это вдруг узнается в снегах и черном небе, и я вижу отца. Он умер зимой.

Вставал он рано, когда еще черное все. Окунал лицо в жестяной тазик с тонкими льдинками и разбрызгивал воду бородой. Уходил в церковь, возвращался к обеду и молча ел, не переодеваясь. Потом уходил обратно служить вечернюю. Возвращался он поздно, когда мама спала, или делала вид, что спала, а я ждал. Тогда он ложился к нам, чуть обхватывал меня и остужал мне подушку. Его холодный и мокрый нос был совсем близко, и мне хотелось его коснуться хоть одним пальцем — но я не успевал и засыпал.

8

Раз в несколько недель отец не возвращался с вечерней. Я лежал, и мне нравилось думать, что отец сейчас шляется по снежным полям, каких в поселке много, и его белое лицо краснеет от мороза, и что там-то и есть его настоящие друзья, с которыми ему хорошо — звери, птицы или женщины. Я лежал, рассматривал спящую маму и доходил до второй версии — что отец выполняет какую-то важную, секретную ночную работу. Потому что, когда под утро мама, вдруг проснувшись, спрашивала его об этом, он отрывисто выдыхал: «ночная служба». И уходил служить утреннюю.

Он никогда не отказывался от «бесед», которых избегали другие священники. Областная епархия направляла его в далекие деревни, и тюрьмы, и больницы, самые разные, и казалось, во всей области не было ни одного забытого богом места, где бы не побывал мой отец. Он беседовал с убийцами, насильниками, афганцами, душевнобольными. Он ездил ко всем. Сказать об этом много я не могу: отец мало рассказывал, где был. «Беседовал». Он был немного животным. И за это «животное» начало люди и уважали его: улавливали его животный запах и слушали. Ну, я так думаю. А еще думаю, что при этих беседах всегда стояла зима, и окно покрывалось инеем.

Когда его посылали куда-то, он разъезжал так несколько дней. Мама лежала, уткнувшись в ковер на стене. А я лежал на теплой подушке.

Но чаще отец никуда не ездил и держал себя, как на цепи, дома. Как-то раз ночью я вышел на кухню попить воды. Отец сидел в трусах на табуретке, спиной ко мне, и молча смотрел на медленно падавший снег. И глаза его по-черному блестели. «Он для мамы это делает: не уходит», — думал я.

Огромный и сутулый, черный, как ворон, с иссиня-черными волосами, острыми лопатками и выступающими из спины шариками позвонков. Широкая сутулая спина. Ее кривые мускулы. Сидел по-волчьи и крупными глазами смотрел в темноту, ожидая чего-то. Тогда я и подумал: волки да вороны. И быстро-быстро пошел спать.

Он был не от этого мира: ему было тяжело с людьми. И жалко их ему было, и в монастырь хотел уйти. Но родился я.

Умер отец десятого января. Когда его хоронили, помню, к нам в поселок слетелись священники со всей области. Один пришел из соседней. Дед удивлялся: «Сколько попов! Будто архиерея хоронят!» И все они были в черных одеждах, и словно тоже понимали: волки да вороны.

9

Не знаю, кем он был. Не знаю, кто я есть. Конечно, хотелось быть волком: он и красивее, и лапы у него мощные. Но люди не делятся на волков и воронов. И даже на собак. Думаю, в любом человеке есть и волки, и вороны — да и вообще, в каждом много кто есть. В моем отце всё было по-животному. Слишком много было у него внутри волков да воронов: целые полчища. И грызлись они меж собой, задевая когтями и крыльями печень и сердце, и осваивали моего отца изнутри, открывая всё новые и новые земли, и давали свое потомство на этих землях — внутри моего отца. И это давило его изнутри. У меня был черный отец. Умер отец десятого января.

Каждый год я вызываю такси и еду за город. И вижу камень. Камень черный. Лицо отца на нем белое. Камень холодный. Как подушка. На нем выбито: «Отец...», Отец. Отец. Отец... И меня бесит мысль, что отец мой был отцом еще кому-то, кроме меня.

...Бабушки. Попы. Дед в ватнике. Несколько бритых мужчин и одна немолодая, но красивая женщина. Уже несколько лет я хочу с ней познакомиться. Но во время поминок она стоит далеко и всегда быстро уходит. Мама не приходит. Кушаем вместе рис с изюмом, и всё.

Настоящие же поминки, как мне кажется, проходят в ночь с десятого на одиннадцатое января. Тогда на кладбище приходят все калужские волки, может, только один, и тот не волк вовсе, а наполовину собака — потому что было в моем отце и что-то собачье. И слетаются все вороны, и садятся они на окрестные могилы, на церковь рядом. И укрывают собою весь снег, и так их тогда много, что не хватает им места, и всё равно приходится висеть в воздухе. И сидят там всю ночь, и гадают, и поминают его. И ни дай бог, придет туда в эту ночь человек.

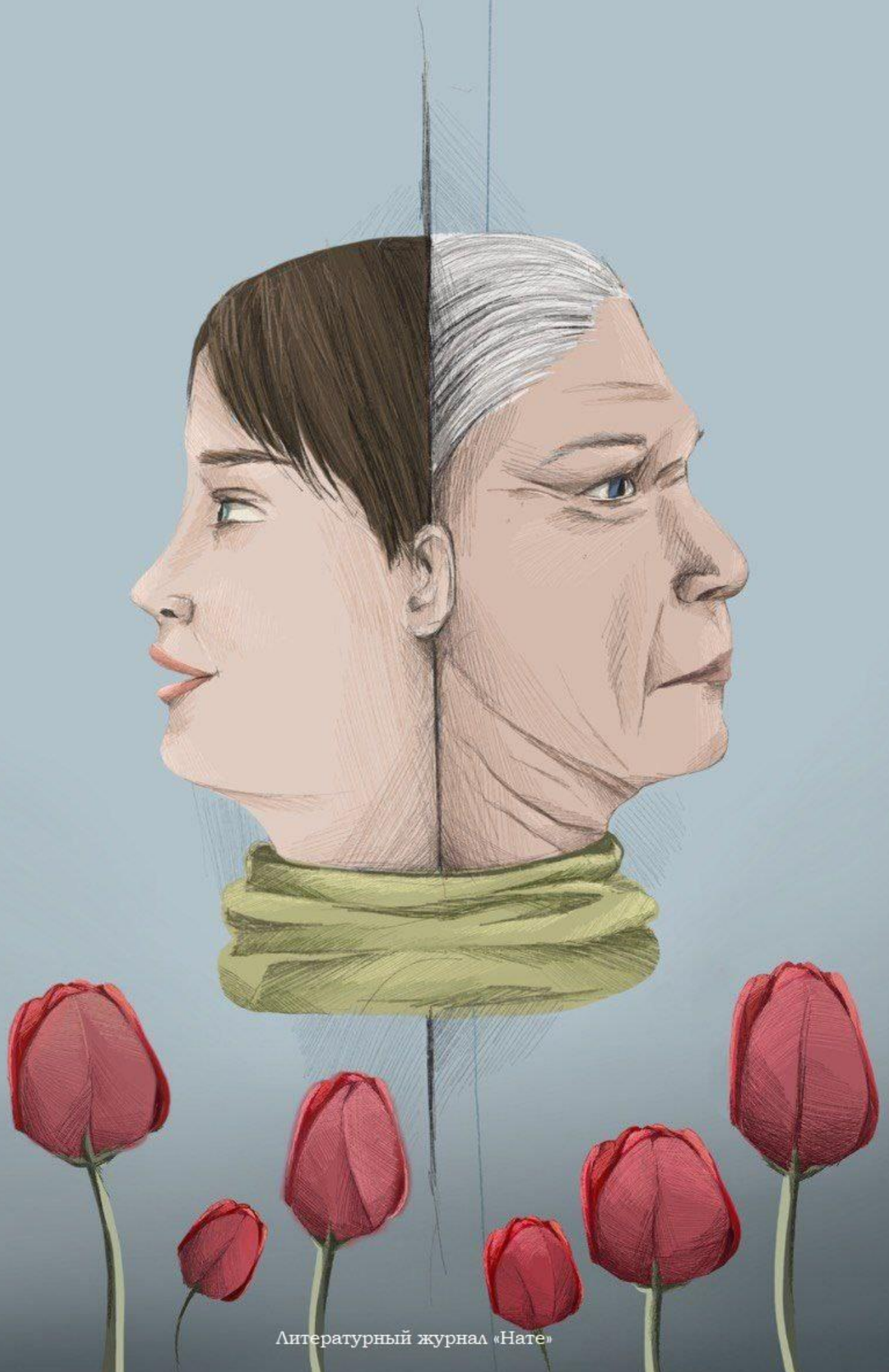
Зимними вечерами, когда я понуро иду из офиса и смотрю себе под ноги, вдруг вспоминаю о волках и воронах — и расправляю плечи, и поднимаю взгляд. На заплывшие бурым жиром кучи снега, на переполненный пуховиками автобус, уезжающий от меня, на кредитный отдел, на женщин... И всё это вдруг не вижу, а вижу отца.

Вот я, маленький-маленький, сижу на его плечах. Лицо его красное, он молчит и смотрит вперед. Черная ряса колет мне ноги, но я молчу и держусь за шею отца пальцами. И мы идём в ночь, и впереди всё черно, и белыми кучами лежит сверкающий снег.

«Лишь бы его не душить, лишь бы он не пропал...» — шепчется само. А у него — пар изо рта, смешно идет, в небо подымается. Вот мы бежим трусцой, и отец сутулится подо мной, и, не сбавляя шага, начинает говорить: шевелит одними губами. Тихо, с трудом. И я чувствую одними ногами дрожь над его горбом. И трясусь вместе с ним. И вот он начинает: «Сынок, ты главное будь... И...» И всё.

Я падаю в снег и остаюсь один. Вокруг ночь.

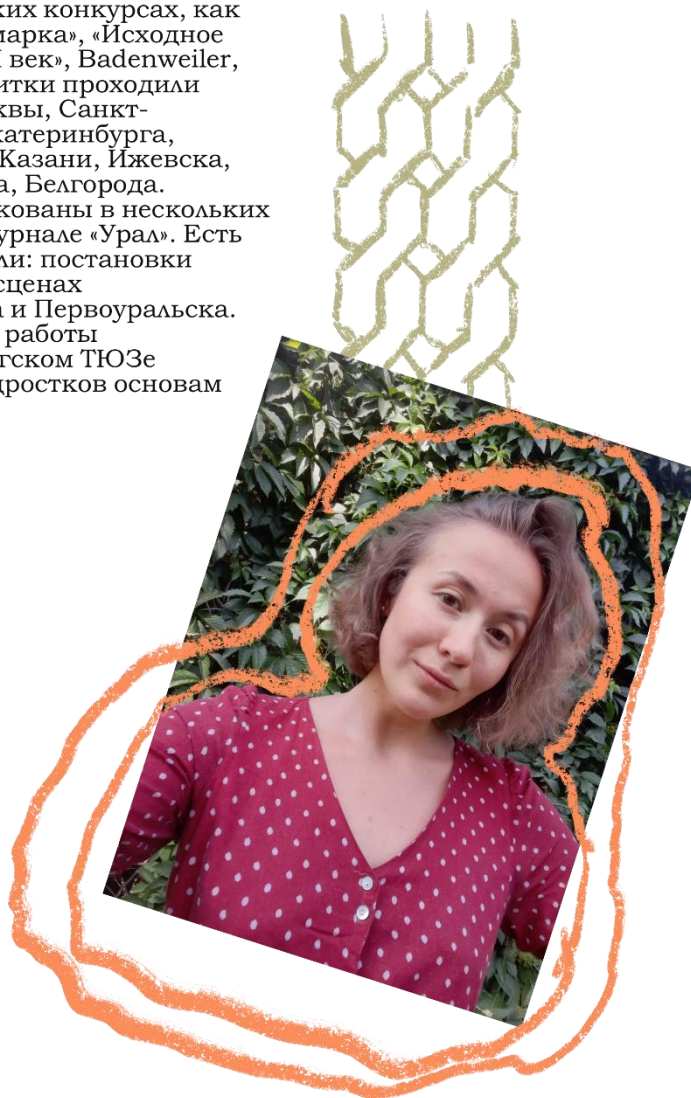
И знаете, эту черную, однотонную ночь я люблю. На своем волчьем горбу затащил меня сюда мой отец. Буду ли я жаловаться, что тут я совсем один? Это моя ночь. Здесь бегают по окружным лесам, роют лапами снег мой волки. И летают в черном небе мой вороны, и ищут добычу мне, сливаясь с четным небом, а быть может, составляя его. И иду я с ними в черную зимнюю ночь. С вороном на правом плече и волком по левую руку. Папа левшой был. Я тоже левша. Мы идем в ночь. И нет в этой ночи ни одной звезды. Только сверкает снег.

АНЯ КИЗИКОВА

Родилась и живёт в Екатеринбурге, выпускница ЕГТИ (2016–2022), специальность — «литературный работник», отделение — «драматургия», мастер — Николай Коляда. Участница различных лабораторий, форумов, съездов, семинаров. Пьесы отмечены в таких конкурсах, как «Евразия», «Ремарка», «Исходное событие» – «XXI век», Badenweiler, Stories и т.д. Читки проходили на сценах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Архангельска, Казани, Ижевска, Серова, Кирова, Белгорода. Тексты опубликованы в нескольких сборниках и журнале «Урал». Есть аудио-спектакли: постановки состоялись на сценах Екатеринбурга и Первоуральска. В свободное от работы в Екатеринбургском ТЮЗе время учит подростков основам драматургии.

С НУЛЯ

Охайо! Слушай, что расскажу... Рам и Рем родились в деревне двурогих демонов. Но все местные жители, мягко говоря, удивились, когда увидели, что близняшки имеют лишь по одному рогу. Чтобы не позориться и защитить честь деревни, которая считалась одним из самых сильных и крутых поселений полулюдей, сестер было решено убить. Однако прямо перед казнью Рам показала свою мощь и защитила себя и сестру Рем. В результате выбора особо не было: им позволили жить. Рам с рождения обладала необычайным талантом к манипуляции маной и сильным телом. Результат — она гордость деревни демонов. От кулинарии до физических активностей — во всём она была лучше Рем. Но она никогда не забывала свою сестру и во всём ей помогала. Однажды ночью Культ Ведьмы напал на деревню. Культисты сожгли вообще всё и безжалостно вырезали вообще всех демонов. Одна лишь Рам держалась дольше всех, пытаясь отомстить за родных и защитить свою сестру. Но долбанных культистов было слишком много. В один момент Рем вышла из дома. Увидев произошедшее, она офигела и её сразу окружили культисты. Ну это реально так показано, что прям сразу. Психи, что с них взять. Рам тут же бросилась на помощь. И капец. Потеряв бдительность, Рам не заметила, как один из культистов подкрался к ней и отрубил ей рог. Вот это отличие. Только видно его они в демоническом облике сестёр.

13

Если маме с папой надоест меня содержать, и я пойду работать горничной в отель без сексуального подтекста, потому что я ещё не очень знаю, что это, то я точно покрашусь в голубой. Голубое каре, вежливость, кроткий характер и смертоносное холодное оружие ударно-дробящего действия в виде металлического шара, снабженного шипами, в моих грациозных и сильных руках, которым я разбиваю всем бошки, если разозлюсь! Ну, как будто. По ощущениям. Короче, я точно Рем — подданная королевства Лугуника, бывшая горничная Розваала, никакое не второе пришествие Бога Они, как Рам и вообще, просто милая. Ещё могу в хьюму, эль хьюму, уль хьюму, аль хьюму. Ну, это приколы с водным барьером, или ледяными копьями в бою, или просто. И я также, как Рем, могу чувствовать ведьм. Воспитка, которая заменяла нашу в старшей группе в детском садике — точно ведьма, Машка — ведьма, англичанка — ведьма, немка — двойная ведьма (иначе как объяснить, что она бросила директа, а всё ещё работает в школе?!), соседка — да, куда ей столько соли? мама — нет, но...

Прости. Мама говорит, что это всё с мультиками у меня — детский сад. А я говорю: «Мама, мне 14! Мама, мне 14 и я сублимирую!» И вообще, это не мультики, а аниме. И анимешники мне не нравятся.

Прабабушка с прадедушкой познакомились в ПТУ, бабушка с дедушкой — в институте. Другую бабушку дедушка бросил, поэтому о нём мы не говорим, мама с папой встретились на работе... что значит эта закономерность? Всё ведёт к тому, что наш род или вымрет, или я прибегну к ЭКО... или нарушу закономерность... или буду безработной творческой или аморальной личностью. Короче, в 14 лет, тем более летом, знакомство ни к чему не обязывает, а в 24 я вообще не вспомню, с кем гуляла в 14 и тем более, что гуляла я с огромным прыщом на носу ехидно подмечая, что это значит, что кто-то в меня влюбился... блин, может наоборот не стоило акцентировать никакого внимания? Ну нет, я успела немного загореть и тональник вообще не подходил и это было супер заметно. Ладно... Блин, плюс один к кринжовым мыслям. Короче, я решила, что могу себе позволить заговорить с мальчиком в свои полные 14 лет вообще без каких-либо обязательств. К тому же он позвонил и сказал: «Ало, Арина?» А я ответила: «Да... это я». Он: «А чё в вк не отвечаешь?» Я: «Да бесит». И понеслось. Полнеслось первое лето без тебя.

14

Эх, Владик... Владик. 14 лет. Овен. Да, он из тех, кто приходит в новую школу в конце учебного года, чтобы уже первого сентября перед линейкой собираться стайкой с друзьями и обсуждать лето, пока кто-то из них пытается курить за удачно расположенной газовой станцией возле школы лол. Суперспособность — обаяние. Супер-пупер-способность — дофига сильная предыдущая школа, да настолько, что от результатов его ВПР наши отличники впали в депрессию. Загадка — аура загадочности. Боевое оружие — VR-очки, которые он притащил на второй день пребывания в нашей школе и покорила сердца всех одноклассников, ну, кроме прыщавой Светки, у неё же семья набожная. Бросил все силы на завоевание своего места в пацанской-стаи, поэтому на девчонок ему было не особо принципиально обращать внимание. Имеет право. Волосы русые, длиннее обычного. Глаза голубые, взгляд усталый. «Петух» — сказал Никита с задней парты, но он всех так называет, хз чё за мания. Но я решила не говорить Никите «да нет, просто краш». Голос у Влада уже сломался, но не так ржачно, как у Паши и Макса, до сих пор ржу с того урока музыки, а как-то прикольно, весомо, но тихо. Видела у него брелок Незуко. И всё стало ясно за ту неделю, которую он успел с нами проучиться. Может быть это стало ясно только мне, а другие

его и не заметили, у всех же ВПР, или я всё придумала, или я не знаю что.

Мама сказала ни в какие машины не садиться, по гостям не шляться, лучше пусть к нам приходит, в восемь точно быть дома, позвонить, когда встретимся, слушать себя, на дорогах по сторонам смотреть, энергетики не пить, не курить, наркотики не пробовать, даже если они красивые, быть как всегда умницей и вообще она очень рада, что я наконец-то выбралась из дома. Папа дал 500 рублей, потому что в нашем возрасте ещё нет свиданий, но если вдруг пойдёте куда, то вот, на. Ну а сёстры должны же делиться... поэтому я взяла тональник, но он не подошёл.

А как вас родители отличают? А как мне вас отличать? А вы сдавали друг за друга контрольные? А вы представлялись друг другом? А кто старше? А умнее? А талантливее? А кто первый заговорил? А вы читаете мысли друг друга? А вы правша и левша? А почему вы в разной одежде? А это у вас семейное? А вы двойняшки или близняшки? А вы появились естественным путём? А почему это бестактный вопрос? И ещё куча тупых вопросов, просто миллион.

15

Интересно задавали ли их Эшли и Мэри-Кейт Олсен, Джеймсу и Оливеру Фелпс, хорошо, что родители нас не эксплуатировали или им было лень..., продолжим! Гретель и Гензель, Мэйбл и Дипперу, Зите и Гите, Ромулу и Рэму, Йо и Хао Асакура, Мэй Мисаки и Мисаки Фудзиока или наконец демонических близняшек-горничных Рам и Рем?

Знаешь, что Владик спросил первое? Как нас отличать. И как он узнает, что я не Марина. Шрамы на разных коленках, родинка, взгляд. Родители до всего вышеперечисленного отличали нас по взгляду, да и после — тоже.

Арина смотрит вправо — что-то придумывает. Марина — влево, что-то вспоминает. Так и рассказывали истории на перебой. И родители хихикали и хвалили Арину за фантазию, а Марину за хорошую память. Мама даже куда-то записывала эти истории, сны, сказала, что на наше восемнадцателетие подарит. Правда уже в старшей группе детского сада все наши рассказы стали иметь корыстные предпосылочки. Всегда можно что-то придумать что-то душещипательное и вспомнить что-то неудобное.

Тогда же и шрамы появились. У меня был классный синий велик. Такой металлик и под змеиную кожу раскрашен. А у тебя такой

же фиолетовый. Наверное сейчас это полная безвкусица — ни тебе минимализма, ни стилизации под 90-ые... но в наши 6 лет такие змеинные велики были верхом гордости и крутизны. Как обычно поехали кататься. Я на трёх-колёсном бодро ехала недалеко от папы, а ты уже на двух колёсах унеслась с папой в припрыжку. И тут передо мной встал очень большой выбор, наверное второй или третий по важности в моей жизни — передо мной встала бабка. Справа — забор. Слева — гараж железный. А я — не умею экстренно тормозить. Варианты исхода — врезаться в гараж, в забор или в нерасторопную старую женщину, которую чуть позже, буквально через пару минут после совершённого выбора, я почти возненавижу. И я решила проскочить между гаражом и бабкой. Угу. Врезалась в гараж. Упала и давай реветь. В первую очередь от обиды на старших, во вторую — от разбитой коленке. Ты услышала и помчалась на помощь. Стала разворачиваться, но забор-то был длинный, а твои навыки вождения тоже не так идеальны хоть уже и на двух колёсах... Так мы и лежали на расстоянии ста метров, держались за коленки и ревели. Синестезия.

А родинки я не знаю откуда берутся. Тут не будет истории.

16

Когда я рассказала Владiku про Рем и Рам, он сказал, что второй сезон Re:zero отстой. Точнее всё отстой у Re:zero, кроме первого сезона. А я ещё не смотрела второй! Зачем так обламывать! Как мне жить дальше, ради чего? Почему мне вообще вдруг стало важно мнение какого-то новенького? Почему я к нему прислушалась? Это я доверяю так, легко поддаюсь влиянию или мне стал интересен его взгляд на мир, его увлечения? Владик обещал скинуть в вк ссылку на фанфик, который в сто пятьсот раз интереснее и логичнее. Так я узнала, что он абсолютно точно тоже смотрит аниме. А он узнал, что даже ради него я не зайду в вк, потому что почему это он мне указывает, что делать? Да и плюс лето, надо отдохнуть а) от негатива б) и так весь учебный год в вк-клипах залипала на уроках, бесят клипы, где самый прикол не подписан словами, чтобы специально все со звуком пересматривали и просмотры блогерам этим дебильным делали. Короче мне ссылки не шли, можно через сестру, Владик. И, надеюсь, Владик, это не твой собственный фанфик. Он засмеялся с этих слов, его загадочность как-то подслетела в этот момент, и он сказал, что я прикольная, прям как про меня ему и говорили. Мда-а-а, Владик, пахнуло stalkingом. Но мне было приятно.

Меня пугают люди, которые всеми-всеми переживаниями делятся с мамой. Я считаю, что словосочетание «мама – лучшая

подружка» придумали очень тоторолетарные матери, с очень скучной жизнью и очень большими тараканами в голове. Конечно в общении с мамой должна быть золотая середина. Сказать то, что начались месячные и нужно купить прокладки и обезболивающее — норм, а то, что в 12 лет мы пробовали курить зелёный чай, заворачивая листья в бумагу из обувной коробке — это ей знать не обязательно. Очень тонкая грань. Про мальчиков вообще нужно выдавать дозировано и аккуратно, чтобы раньше времени не обрадовать и не огорчить тоже. Блин, ну мамы же тоже были девочками-подростками! Куда девается это тонкое ощущение мира? Они что, не клялись никогда не обижать своих дочек так, как могли обидеть их мамы? Наверное, это вопросы к социальным институтам и психотерапевтам. Короче, маме я особо не рассказывала про Владика. Просто вовремя пришла, сказала, что прошли три круга на межшкольном стадионе, зашли в фикспрайс за газировкой, я понюхала новые духи в летуале, покачались на качелях, поболтали, обратно он меня не провожал, расстались на перекрёстке, вот сдача с 500 рублей. Папа разрешил оставить деньги себе. Рассказать сестре? Помнишь как ты меня сдала, что я намочила манту случайно, когда умывалась и вода затекла в рукав синтетической водолазки? Оказалось, что намочить манту — не смертельно, но ситуация — ауч.

Да и меня устраивает концепция, что у нас у каждой своя жизнь, свои особенности и мечты. Нас и не одевали одинаково никогда. Один раз мы сами выпросили одинаковые платья. Родители были в шоке. Ну а что? Всего лишь решили скопиплеить на хэллоуин близняшек из «Сияния». Там как раз фильм «Доктор Сон» выходил и модненько стало. Вообще, я оба этих фильма смотрела полузажмурившись и с ладошками у глаз, всё-таки 18+, а ты — хохотала. Недавно я пересмотрела. Наверное там есть какой-то глубокий, тайный смысл, но я ещё не поняла Баба в ванной противная. Видела разбор, что рисунками на ковре в «Сияние» Кубрик намекает на то, что это он снял высадку американцев на Луну, прикинь! Классно оторвались тогда на дискотеке в школьном спортзале с кучей Джокеров, пацанчиков в клетчатых спортивных костюмах, Малефисент, Пеннивайзев...

Почему я вообще захотела кому-то рассказать о встрече с Владиком, поделиться? Почему мне не хватает себя сохранить эту историю? Я не знаю. Стала записывать голосовуху Даше. Даша — уникальная подруга. Во-первых, она сразу нас отличала. Во-вторых, она никогда никому ничего не рассказывала из услышанного. Ноль целых ноль десятых склонности к сплетням. Всё просто — она хочет

стать врачом и учит все учебники по биологии и химии наизусть, складывать ей в память наши девчачие проблемки просто некуда. Нас связало соседство по парте и мнение, что 4 вышки школьной психологини ничего не значат, больше бы ей помогла всего одна дурка. Я начала записывать Даше голосовуху... Но рассказ получился такой же, как я маме рассказала. Серьёзно! То, как он улыбнулся когда меня увидел, как оценил наряд, я была в джинсах, коротком белом топе и нежно розовой растёгнутой свободной рубашке, оценил не в прямую, а разглядывал, когда я могла видеть это только краем глаза, как в летуале мы намазали кончики носов красной помадой и так и ходили с невозмутимым видом, как заинтересованно слушал и улыбался от моего рассказа про аниме и про себя, как включил песню из опенинга и перевёл её — «чувства, что я накрепко запер в своём сердце, смогут всё время мчаться благодаря решимости, что со мной с того самого дня».., как Влад сказал, что я прикольная и яркая и что сразу заметил меня среди всех одноклассниц не смотря на точно такую же сестру рядом так-то! как между делом убрал с моей рубашки какую-то зелёную мошку, чтобы она не портила образ... это всё я не рассказала Дашке, а всё-таки оставила себе. Дурацкая пресная голосовуха Даше тоже не получилась — в это самое время позвонил Владик. Голосовуха не записалась, а вторая встреча наметилась. Ну и славненько, сказала я сама себе.

18

Конечно на меня и раньше обращали внимание мальчишки. На всех девчонок обращают. Посмотрите «Беременна в 16» или откройте ТикТок... даже на них кто-то обратил! Где-то у меня до сих пор валяется половинка сердечка Саши. Наш бывший одноклассник — перевёлся после пятого. Он долго мялся, чтобы подарить мне эту половинку сердечка-кулончика. Саша сидел впереди меня за партой. И после последних уроков перед каникулами в конце пятого класса, мы собирали рюкзаки, я что-то рассказывала о планах на лето, он был очень мрачным, а потом сказал: «На» и протянул этот кулон. Интересно, где он его взял. Сашку совсем в детстве облаяла собака и с тех пор он их фобически боится. Шли однажды после школы с ним и мою столовскую булку в рюкзаке унюхала какая-то бедолага бездомная. И вот эта дворняжка увязалась за нами, а мы идём, болтаем, ничё не замечаем, ей стало обидно от такого невнимания и она твякнула. Саша остановился как вкопанный. Просто замер. Я не растерялась и сказала громкое убедительное «фу». Взяла Сашу за руку и уверенно повела подальше от этой наглости собачей. Дворняжка эта вообще не сравнится с Алмазом из бабушкиной деревни. Он — гималайский медведь с хвостом и голосом пса. Но, видимо, моё героическое «фу» растопило сердечко Санька. После его подарка мы

больше и не общались — он перевёлся в другую школу, а соц.сетей у нас как-то тогда и не было.

Но встреча Влада в 14 лет — это уже совсем другая история. Но всё ещё не серьёзная же..? Конечно, я не хотела бы выйти замуж за своего первого парня, потому что это был бы недолгий брак с печальным концом — я бы умерла от любопытства — каково это встречаться с кем-то другим? Но при этом, думаю, в 14 лет можно уже говорить о каких-то чувствах, влюблённости. До второй встречи оставалось два дня.

19   Лето. Чем заняться подростку летом? Прежде всего вбить в поисковую строку «чем заняться подростку летом». «Сходить за грибами или ягодами. Заночевать в палатке. Облиться ведром холодной воды. Покататься на колесе обозрения. Провести пару дней в деревне. Слушать пение птиц. Сделать зарядку на свежем воздухе. Покататься на качелях. Загадать желание при падающей звезде. Сплести венок из ромашек или одуванчиков. Пускать мыльные пузыри. Рисовать красками. Посетить зоопарк. Поплывать на катамаране. Поработать над самооценкой. Научиться ставить цели. Прочитать книгу. Стать креативным». Жесть. Предлагаю другой список. Полежать на диване, позалипать в ТикТоке, посмотреть аниме, сериальчик какой-нибудь, купить новые тетрадки к школе, попытаться похудеть с помощью бесплатного курса видео-тренировок, забросить курс на четвёртом занятии, расстроиться, не смотреть новости, избежать поездки к бабушке в деревню, пошататься на улице, сделать масочку для лица, поздно ложиться и поздно вставать... хотя с этим загвоздка — половина дня профукана и вечером меня никто гулять не отпустит, понять что надеть на встречу с Владиком нечего.

Уговорила маму сходить в магаз со мной, выбрать что-нибудь. Долго уговаривать не пришлось — нашему выбору она никогда не доверяла, а тому, что подружки могут правда хорошие советы давать, а не пытаться подсунуть фигню, чтобы потом выглядеть на моём фоне лучше она тоже не верит. А я не верю зеркалам в примерочной и слишком активным продавцам-консультантам. В физическом магазине ощущаешь время намного сильнее, чем пока скролишь в интернете — нельзя выбрать сортировку по цене, с примеркой каждой новой шмотки становишься всё потнее и поэтому налазит всё хуже и хуже, свет бесит, музыка бесит, разочаровываешься в себе и модельерах, мама пытается сгладить обстановку, мысли о Владике спасают. Кончик языка совершает путь в три шажка вниз по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Ло. Ли. Та. Лолита — стиль в

одежде у японок с кawaiiными приколами из рококо...Ко Гал, Сукебан, Юмекава, Гяру и... этот, как его Такенокозоку. Ничего из этого мы не купили. Просто простое розовое хлопковое платье плотное. Можно летом носить. А потом с колготками тоже норм. Вспомнила ещё один популярный вопрос — это может одна по магазинам ходить, мерить и другой тоже подойдёт? Может быть. А смысл?

Владик ждал у подъезда. Охайо! «Ты прочитала фанфик?» Ну конечно же я прочитала его и выписала классные цитаты, я хочу научиться рисовать мангу и нарисовать его полностью, я хочу заработать много денег и издать миллионным тиражом фанфик Владика... нет, лучше всего 100 экземпляров, чтобы было раритетом, я хочу быть прототипом героини, хочу вдохновлять тебя, хочу новую серию, хочу общего счастья, одного пути и дакимакуру! «Ага» — ответила я Владу. И добавила — «норм». Он улыбнулся. Ладно, хорошо, такой версии похожести Эмилии и Сателлы я не встречала и она ничё так. Я думала о том, что Сателла влюбилась в Субару, потому что она могла быть Эмилией из другой временной шкалы. Сечёшь? Ну да, я знаю, что после того, как Сателла приняла Факторы Ведьмы, которые были противоположностью Старой Лагны, они оказались несовместимы с ней и привели к созданию новой личности, названной Ведьмой Зависти. И при этом Сателла и Ведьма Зависти — разные личности, но обе капец злые. Сателла показана вся такая ня кawaii, а Ведьма — как жестокая, ведьмы ведь конкретно заявляют, что именно первая их поглотила и всё такое, бла-бла-бла. Но это не отменяет моей теории! И почему мы вообще перешли на Ведьму Зависти и похожую на неё как две капли воды полуэльфийку? Ежу понятно, что мне интереснее Рам и Рем! И он опять улыбнулся! И такой: «Классное платье». Охренеть! Перед кем я распиналась? «Влад, перед кем я сейчас распиналась?» «По-моему, мой резкий уход от темы ясно даёт понять, что я побеждён твоей теорией» — сказал он. Ха! Ха. Ха. Я не знаю, хорошо это или плохо. Я не знаю, так ли заводят друзей и находят парней. Мы всё ещё стояли у подъезда, по-моему это уже что-то не то. «Твою версию точно надо показать фандому» — попыталась приободрить я Владика. Только пожалуйста, не влюбляйтесь в него никто больше после прочтения. «А твоя сестра любит аниме?» Моя сестра любит быть в центре внимания, успевать хорошо делать уроки и заниматься спортом, мило смеяться и остроумно шутить, быть нежной, но стойкой, она любит собак и щёлкать меня по носу, танцевать вместе со мной, мамой и папой, сбивать лёд палкой в канаве, играть в шашки и читать чёрт возьми бумажные глянцевые журналы про моду, играть на укулеле, смотреть

тру-крайм истории и пересказывать их мне, своего старого плюшевого зайца, мой такой же давно где-то заваялся, иногда она любит сплетничать и всегда делиться со мной, любит меня, любит быть классной. «Классное платье. И ты классная, как мне и говорили» — опять заявил про платье Влад и... и ну про меня, получается. А потом произошло про-о-осто «лол что?»: Влад достал сигареты, закурил и предложил мне. Два вопроса а) где ты блин взял сиги? б) и чё тебя типа не палят? Три вопроса. в) почему блин у моего падика, ало? Четыре. г) Ты чё, дурак? Пять. е) а это нормально, что даже в 14 лет тебе это очень идёт? Он откинул чёлку и серьёзно, как будто мир вокруг включил в этот момент слоумо! Детализация рихаг не сравнится с тем, как я успела разглядеть каждую отдельно взятую волосинку, сверкающую в свете солнца и проблёскивающую сквозь клубы дыма, которые он также в слоумо выдыхал, прикрывая глаза. Ка-а-айф. А теперь также медленно представь «Пе-е-е-ету-у-у-ух! Пе-е-е-ету-у-у-ух, ты совсем охренел?» Это появился Никита. Прямо рядом с нами. Прум. Звук перемотки. Никита никуда и не исчезал.

21

Никита — наш друг с детства и на всю жизнь. Да, мама познакомилась с тётёй Надей, мамой Никиты, во дворе, когда и мы, и Никита в коляске ещё лежали. Но вот в какой момент они обе решили, что он точно женится на ком-нибудь из нас — я честно хз. Что за предпосылки случились? У нас даже есть фотография, где маленький никита стоит во фраке, а рядом кто-то из нас с занавеской на башке. Кто это — никто не помнит и отличить из-за занавесочной вуали по фотке нельзя. Но зато все помнят, что вторая наотрез отказалась фотографироваться в таком образе, потому что на свадьбах все пьяные и глупые... видимо сказался неудачный опыт со свадьбой тётёи Анфисы и дяди Людвига. По-моему самому Никите мы никогда не были особо интересны. Но и плюсы были — дабы не расстраивать родителей, Никита всегда нас защищал, только я не уверена, что кто-то собирался нападать, таскал портфели, диктовал домашнее задание, если обе, как обычно, лежали дома с соплями. Ну и всё. Но лично я всегда свободно чувствовала себя рядом с ним. Его мама классно готовила, особенно ravioli. Наша мама отвечала на это, что просто в гостях всегда всё вкусно. А папы пробовали самогон друг у друга и после дегустации первой же бутылки спорили о пропорциях кардамона в самодельной Бехеровки. Я нюхала отдельно кардамон, отдельно спирт и могу сказать, что пока что я вообще не подвержена алкоголизму — гадость какая-то. Никита тоже против этого. Да, я понимаю, что в 14 лет достаточно просто быть против всякого такого. Но Никита спортсмен. Он за здоровый образ жизни. Хотя, я читала разные истории про спортсменов.

Поэтому я не удивилась, что в адрес курящего рядом со мной пацана полетело «Петух, ты совсем охренел?» Никита стоял рядом с нашим подъездом с букетом из гербер. «Никита, ты чё?» — сказала я. «Чё – чё, на день рождения пошёл мимо, а тут хрень такая» — ответил Никита. И добавил: «Я твоей маме расскажу щас, Арина». Одному Богу и Богу войны известно сколько раз в наших взаимоотношениях звучала эта фраза и с той, и с другой, и с другой стороны. Владик сразу засмутился, бросил бычок, затоптал, попрощался и ушёл. «Петух» — заключил Никита. Никита поднялся со мной до квартиры, сказал передать нашей маме герберы, потому что настроение уже испорчено у него из-за моих глупостей. Ну не знаю, спорное утверждение... при том, что я вообще ничего не делала, ало!

Когда я собралась духом и зашла в квартиру, родители танцевали на кухне. Без музыки. Пластинка в проигрывателе стояла на автостопе. Вдвоём. Мама Варя и папа Дима. Они ещё молодые. Но не молодые и глупые, как, наверное, я, а молодые, как будто выдох, молодые, как будто лёгкость. Я тихонечко прокралась к нам в комнату. Но, скрип пола сообщил родителям, чтоб не волновались, что я пришла, ну и хорошо. «Арина? Марина?» Нет, тебя не было. Оставила цветы у нас, достала один лишний цветок, капец ты Никита, рано ещё.

22

Наверное, в такой момент более уверенная версия меня села бы записывать что-то важное в дневник. Ну а я никогда не вела записи, потому что боялась и боюсь, что в будущем волнующие сейчас события вызовут у меня смех. Да, с годами многие истории приобретут статус фигни, а не события. Но блин, это же какое-то предательство к настоящему — сейчас мне и больно, и радостно, и всё очень важно... почему я взрослая предаю это всё своим смехом над ситуациями? Не хочу чувствовать свою незначительность в будущем. Не хочу чувствовать в будущем. Лучше забуду. У тебя в тетрадке я увидела строчку «Даже зная, что упадёшь, боли от падения тебе не избежать» — и подумала, что бред.

В тот день Никита ещё прислал смс «Как маме цветы?». Написала — «норм». Он — «Ок». А потом смс от Владика: «Лучше один раз сказать “спасибо”, чем сто раз извиняться. — Спасибо, милая Арина, что читаешь это. Попробуем провести нашу следующую встречу интереснее и без посторонних. Как ты?»

Как я? Никак. Я что-то делаю не так, ещё и летом. В том, чтобы сдаваться, нет ничего лёгкого. Ты думаешь, что ничего не нужно делать и ни о чем не думать? Просто опустить руки и бросить на

самотёк? Считаешь, что для того, чтобы сдать, этого достаточно? Сдаваться совсем не легко... Для меня намного проще считать, что я могу что-то сделать, но сделать я ничего не могу! — говорил Субару Нацуки.

Третья летняя встреча с Владом произошла случайно. Да, правильно говорить не просто встреча а летняя. В школе мы и так шесть дней в неделю виделись, за исключением праздничных дней, прогулов и болезней. А теперь это было что-то другое. У нас была тайна, новый статус, отсчёт нужно было вести с самого начала. Третья встреча произошла неожиданно.

23 Через пару дней была моя очередь дежурить. В больших семьях — распространённая практика. У нас прикольно, что папино дежурство почти всегда выпадало на выходные, и каждое воскресенье нас ждал шикарных завтраков из яичницы то с помидорами, то с беконом, то с сухарями, то с колбасой и из сладких горячих вафель прямо из вафельницы. Секретный рецепт из первой ссылки в интернете. Короче у меня было типичное, рядовое, не романтическое дежурство. Надо было выкинуть мусор. Помойка — в трёх минутах шаговой доступности. Поэтому у меня на голове пучок, на носу тёмные очки, на бёдрах болтается джинсовая юбка и на плечах висит топик, ноги брила вчера утром, успела брызнуться мамиными гуччи. Вот с такими вводными данными произошла эта встреча с Владом.

Я взяла пакет мусора, открыла дверь и шагнула прямо к Владу. Он стоял с рукой одной рукой в кармане джинс, явно надушенный папиным одеколоном или по ошибке мамиными духами унисекс. Выносить мусор вечером — плохая примета. Да, уже был вечер, весь день я просидела в ютубчике.

Вписки... Что мы знали об этом на тот момент? Да не знаю, сборище подростков, подростков мозгами, где каждый преследует свои цели — сбежать из-под гнёта родителей, соответствовать социальному статусу, сделать это на зло, сделать это ради кого-то, алкоголь, иногда наркотики, поиск единомышленников, не сидеть дома, думать, что эти взаимоотношения навсегда. Нет, это я сейчас знаю. А на тот момент про вписки я знала только то, что мы, Марина и Арина, договаривались если и пойти, то вместе, не отпускать из вида друг-друга, быть на стороже, просто посмотреть что это, а так нам и без этого непонятного трэша весело было. Но вот я оказалась одна на таком, с Владиком.

Орёт музыка, какие-то непонятные чуваки вокруг. Он сказал, что это из его бывшей школы. Ок. «Тебе страшно?» — спросил меня Влад и закурил. Супер, успокаивает, ага! «Только класснухе не рассказывай» — добавил Влад. Вот то есть такой странный уровень доверия был у нас на тот момент. И взял за руку. Посмотрел. «Закуришь?» Это чтобы у нас было больше общего. Это чтобы был общий прикол. Ещё одна, сильная тайна. Чтобы я его запомнила. Потому что он хочет поделиться своим. Потому что нам 14 и личности ещё не до конца сформировались. Потому что мы вдвоём посреди шума, в непонятном месте. Мы на диване, моя голова лежит на его коленях. Я люблю, когда ты гладишь меня по голове. Мне начинает казаться, что мы понимаем друг друга через прикосновения. Я люблю твой голос. Каждое твоё слово отдаётся теплом в моём сердце. И я люблю твои глаза. Обычно у тебя суровый взгляд, но, когда ты проявляешь доброту, мне нравится их мягкость. Я люблю твои руки. Для парня они довольно нежные, но когда мы берёмся за руки, я понимаю, что они сильные. Руки настоящего мужчины. Я люблю твою походку. Когда мы гуляем вместе, мне нравится, что ты оборачиваешься посмотреть, не отстала ли я. Я знаю, что как бы глубоко ты не погрузился во тьму, у тебя всегда хватит смелости протянуть руку. Я знаю, у тебя все будет хорошо, Субару-кун. Потому что ты всегда фанатичен как демон. Когда ты сказал, что ненавидишь себя Мне захотелось сказать тебе все те потрясающие вещи, которые я о тебе знаю. Когда я уже не понимала, кто я на самом деле, ты спас меня. Моё время так долго стояло на месте. Ты был тем, кто растопил моё сердце, благодаря тебе время для меня снова начало свой ход! Когда никто в этом мире не верит тебе, даже когда ты на самом деле не веришь в себя... Я верю! В то, что Субару-кун, который спас меня — мой герой! Это придумала не я, но очень подошло.

24

И тут он достаёт... ээээ... фляжку. Там же не сок, Владик? Ты это у родителей взял? Кстати кем работают твои родители, я даже не в курсе. Владик, тебе 14, какого хрена? Мама говорит, что ей до сих пор алкоголь без паспорта не продают, поэтому она выпивает только у подружек в гостях, папе она так говорила, когда пришла прокуренная и пьяная. Мама говорит, что она в свои года не выглядит так взросло, как современные подростки в 14. Это, конечно, неправда, у неё много морщин у глаз, у внешних уголков, морщины опущены вниз, а ещё на лбу, от того, что хмурилась. Я подумала, интересно, что скажут мне мама и папа. Я не в гостях у подружек, я вышла выносить мусор и пропала, а нашли меня пьяной и непонятной, если найдёт вообще после такого. Родители обещали нам половину бокала шампанского. Владик, какого хрена, ты

подумал, что они скажут вот на это вот? «Арина, ты что, совсем охренела?» — раздался голос Никиты. Появился контур Никиты. Появился кровоподтёк на лице Владика. Искра, буря, такое ощущение, что в этот момент я моргнула. Нихао, как говорится, нихао. Никита схватил меня и потащил. А вокруг все танцевали, мы не успели подружиться, им было всё равно. А Владик кричал, что мы конченные и он всё расскажет класснухе и нашим одноклассникам. Ну вообще-то, в первую очередь это наши одноклассники, а ты, Владик — новенький-фиговенький. А ещё я подумала вот чё прям всё всё или только то, что было в его интересах? Блин, да впереди целое лето, с таким образом жизни, Владик, надо его ещё пережить, чтоб рассказать.

«Никита, ты что, следил за мной?» — это было первое, что я сказала. «Да, следил» — ответил Никита. Зато честно. Но пугающе. Но он друг детства. Поэтому прежде всего честно. Наверное Владик уже собрал вокруг себя каких-то людей на вписке и демонстрировал крутость. «Влад через неделю в нашей школе сказал, что замутит с близняшками» — волнительно сказал Никита. По-моему его это возмущало больше, чем меня. Начать решил с Арины, потому то, цитата «выглядит общительнее и прикольнее, а Марина — странная». Супер. Мы ехали с Никитой в лифте. «Ну на, вот, смотри» Их беседа называется «Спецназ Альфа», куда им до нашей общей девчачей беседы ашек под названием «Курятник». Влад пишет там «а чё вы раньше не проверили?», «а давайте узнаем, чем ещё близняшки отличаются», «вытяну жребий, кого первую?», «мне без разницы». Почему ты не сказал это раньше, Никита? Потому что, «а кто я вам?» Почему ты сейчас оживился, Никита? И Никита поцеловал меня. Некстати, неожиданно, непонятно, я не поняла, не мокро, я бы сказала, что никак. «Арина, прости меня» — сказал Никита. «Арина, прости меня» — говорю я. Я — Марина. Я говорю, что я — Марина!

«Марина, дочка, что случилось?» — докопались ещё родители дома! В смысле, вот с какого момента им начать, а? Во время возвращения в столицу после битвы с Белым Китом отряд с Круш и Рем был атакован. Рем впала в кому, а воспоминания о ней были полностью стёрты из памяти всех жителей этого мира, за исключением Субару. Понимаете, тихая и спокойная Рем, а не огненная крутая сильная Рам. Это я должна была быть на месте Арины! А я и стала! Я сказала, что я Арина. Я всем это сказала, а никто и не заметил. Потому что Арина классная, а что там где тихая Марина — это пофиг. Надо пережить лето, а осенью уже думать, что делать, думала я. Может Арина бы уже вернулась, может я бы исчезла,

я не знаю. Слушай, Арина, потом, во втором стрёмном сезоне Рем выходит из комы, хотя бы поэтому этот сезон хороший! Арина, ты тоже хорошая, самая! Мне очень плохо и одиноко. Мне очень противно. Я не знаю, почему всё так и зачем мне это. Мама, папа, а меня поцеловали. Ой, то есть не меня, а Арину. Вот так. Никто не сомневался же в том, что её поцелуют первой, даже я. Так и вышло, мама, папа! Но только губы-то мои были. Разве это знали? Про меня, Марину, никто не вспомнил. А зачем? Да даже я это забыла. Арина, прости меня, это твой поцелуй. Дурацкий вопросы — чем отличаемся, кто то, а кто это, у кого лучше то, у кого другое, у кого был первый поцелуй. У Арины. Не у меня! Тупые вопросы, задавали ли их Эшли и Мэри-Кейт Олсен, Джеймсу и Оливеру Фелпс, хорошо, что родители нас не эксплуатировали или им было лень.., продолжим! Гретель и Гензель, Мэйбл и Дипперу, Зите и Гите, Ромулу и Рэму... вообще без разницы, мне важно, что у нас! Я каждый день помню, где Арина, я сижу и смотрю аниме, я не хочу, чтобы на меня обращали внимания, я хочу, чтобы моя жизнь продолжилась, а часть моей жизни — Арина. Арина, пожалуйста, ты услышь меня, мы тебя очень ждём. Начало лета, сданные ВПР, удар автомобиля, твой полёт, наш, мой разбившийся мир, твоя кома, растворяется мана, это всё неправда. Ты ходила по магазинам, гуляла, веселилась, тебя поцеловали! Арина, мы с родными никому не сказали, потому что скоро ты будешь с нами.

26

В больничную палату заходит Никита с цветами.

МАРИНА. Не парься, он теперь в курсе. Не бойся, Арина, это лето — твоё. А я... Я здесь. Рем, которую ты спасла, здесь. Я здесь. Я буду слушать всё, что ты говоришь. Я хочу этого. И если ты не можешь простить себя за то, что пуста, и у тебя ничего нет, то давай начнём отсюда прямо сейчас. Так же, как и ты дала ход времени, что для меня остановилось, так и мы заставим твоё время идти вперёд. Давай начнём отсюда. С первого шага. Нет, с нуля!

октябрь – ноябрь 2022

г. Екатеринбург

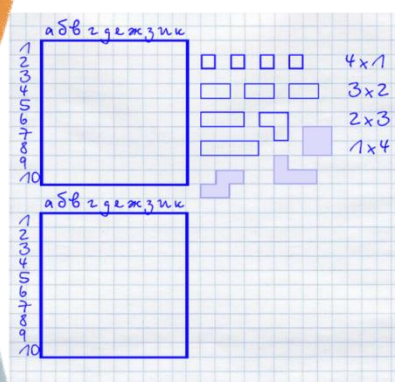
МАРИНА

КИРА ВЕТРОВА

Родилась и живу в Сибири, в городе Иркутске. По профессии учитель музыки, но работала только репетитором фортепиано на последних курсах обучения. Письму училась на курсах: сначала копирайтинг для работы в рекламе и маркетинге, в который попала случайно. Потом пошла учиться в школу прозы «Мне есть что сказать» (ex. «Глагол»), где написала этот рассказ.

Автостопом путешествовала в 16–17 лет, когда была в неформальной тусовке. В рассказе я постаралась сохранить для себя ту атмосферу, музыку, тональность в речи, которая присутствовала в неформальной тусовке.

После школы прозы экспериментирую с разными жанрами письма: от автофикшена до сайфая. Ранее нигде не публиковалась. Проходила литературное сопровождение с редактором журнала «Незнание» Саней Гусевой.

В ПУТИ

На трассе под Омском

*Грохочет гром,
Сверкает молния в ночи,
А на холме стоит безумец и кричит:
«Сейчас поймаю тебя в сумку,
И сверкать ты будешь в ней,
Мне так хочется, чтоб стала ты моей!»
(«Дурак и молния» Король и Шут)*

Три часа ночи. Гроза. Гром.

— Крис, проснись! Палатку заливает!

— А... — вяло, сквозь сон. — Блин. Что делать?

— Будем сидеть на рюкзаках...

— Уже конкретно заливает, жопа вся мокрая. Кароче, надо идти в отель.

— Мы все мокрые, и денег у нас нет.

— Попросимся посидеть около входа, пока дождь не закончится. Пошли быстрее. Берем только рюкзаки и гитару, на остальное пофиг. Утром заберем, если никто не спиэдит.

29

В отеле. В кафе

*Дринчатъ, бренчатъ и хуйню собирать,
Дринчатъ, бренчатъ и хуйню собирать,
Дринчатъ, бренчатъ и хуйню собирать,
Дринчатъ, бренчатъ и хуйню собирать.
(«Продолжая продолжать» Гражданская оборона)*

— Здравствуйте, можно у вас пересидеть дождь?

— Номер хотите снять?

— У нас нет денег. Можно посидеть около входа, пока льет дождь?

— М-м... садитесь за стол в кафе, но лучше бы вам уйти до шести утра. Посетители в это время начинают выходить на завтрак.

В эту дождливую ночь в кафешке трое дальнобойщиков бухали водку и сразу стали поглядывать за наш столик.

В голове только одна мысль: «Лишь бы не доебались». Мы всегда привлекаем к себе внимание внешним видом. Первое, к чему цепляются, — это к длинному хаеру Мэрлина, потом идет его пирсинг в носу, берцы, нашивки с анархией на рюкзаке. Кому-то не нравится всё сразу. Ко мне меньше придираются, я выгляжу просто цветасто:

ярко-голубые джинсы, красные кеды, желтая футболка, рыжие волосы и раста-шапка. Все придираются к кедам, типо не женственная обувь. А вот моя раста-шапка нравится своей яркостью: «Они ничего не знают про Джа. Им норм, и мне норм».

Сидим мокрые, заказали чай ради приличия. Денег почти нет, экономим.

— Вы что, автостопщики?

Про себя: «Блять, ну началось...»

— Ага, — тихо, с ровной интонацией, чтобы не создавать впечатление, что мы готовы к общению.

Один из мужиков подсел за наш столик.

— Что это у тебя в волосах за штука такая? — схватил мою расту в волосах и начал в нее всматриваться. Я еле сдерживалась от запаха его жуткого перегара, чтобы не скривить лицо.

— А зачем ты ее прицепила?

— Для красоты, — тихо, почти не смотря в глаза этому мужику, смотревшему на меня в упор.

Орет дальнобойщик с другого конца кафешки:

— Серега, отвали от девушки, пусть парень идет сюда с гитарой.

30

Мэрлин пошел, и пьяный мужик по имени Серега поплелся за ним следом.

— «Владимирский централ» знаешь?

Дальнобойщики заказали водку Мэрлину. Еще полтора часа до рассвета, дождь всё так же хлещет. Никуда не деться. И жутко хочется спать.

5 утра

*Ездят такси, но нам нечем платить, и нам незачем ехать,
Мы гуляем одни,
На нашем кассетнике кончилась пленка, смотай.
(«Видели ночь» Кино)*

Дождь закончился. Все вышли на крыльцо покурить. Дальнобойщики жутко пьяные, веселые, много матерятся и искренне переживают за нас, советуют, как не нарваться на неприятности в дороге. Эти мужики дали нам немного денег в дорогу. Наверное, их шокировало, что мы едем через всю страну. Никто из них не пытался узнать, есть ли у нас деньги, — просто дали, что могли.

С начала пути мы в основном замечаем, что люди даже больше переживают за нас, чем мы сами: как мы доберемся и где будем спать. Все всегда по-родительски предлагают поесть. И вот, мы знакомы от силы часа два, а уже обедаем вместе в придорожном кафе и откровенно болтаем, видимо из-за того, что никогда больше не повстречаемся.

Забрать вещи

*Но если есть в кармане пачка сигарет,
Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день...
(«Пачка сигарет» Кино)*

— Чо, будем забирать?

— Да, давай. Соберешь палатку? А то у меня кеды дырявые, не хочу снова их промочить. Я из спальников воду выжму, принеси их сюда.

— Давай сначала покурим...

Курим.

31 Мэрлин пошел к палатке. Слегка пьяный и слабый от недосыпа, он скатился на скорости вниз по мокрой траве. Не удержался на ногах, бухнулся прямо на палатку всем телом и сломал дуги.

Ржу.

— Пиздец! Мы остались без палатки.

— Да ладно тебе, мы скоро приедем в Омск, а там что-нибудь придумаем.

— Э... на вокзалах я спать больше не хочу: там шумно.

— Крис, не будь такой цивилкой. Вспомни Повара, он вообще без палаток и спальников всегда катается по городам, так даже проще будет.

Мэрлин тащит спальники.

— Надо сушить спальники в дороге — на случай, если не успеем сегодня доехать до Омска. Ночью всегда холодно. Прицепим их к рюкзакам и будем сушить в дороге.

На трассе

— Мы так далеко от дома. Кайф. Я никогда еще не была так далеко. В голове просто не укладывается всё это. Мой дом за две с

половиной тысячи километров. Это офигенно. Это свобода. Погоди. Хочу запомнить этот момент.

Вокруг ровные зеленые поля, теплый рассвет, абсолютная тишина. Я выбежала на середину трассы и начала махать спальником, как крыльями, и танцевать. Машин совсем нет, трасса принадлежит только нам двоим.

Колесо

Идем уже два часа по трассе, никто не хочет нас подбирать, машины всё так же редко проезжают. Как-то всё подозрительно. Тишина. Мы идем молча. Вдалеке с подъема дороги катится колесо напрямиком на нас. Оно быстро теряет скорость и закатывается на поле. Мы с Мэрлином в недоумении. Откуда оно взялось? Смотрим на дорогу в ожидании машины, но ничего нет. Переглядываемся. А потом со склона тихо выезжает машина без того самого колеса, а из-под капота у нее идет дым. Машина останавливается на обочине дороги.

Из машины выходит парень

*Она без начала и без конца, и без светофоров,
Не широка и не узка, без пробок и заторов,
Я нашел ее сам, кружа так долго рядом,
Что, найдя, не сразу заметил ее.
Я живу в чудесном городе Земли
На улице Свободы,
Во все моря отсюда ходят корабли,
И во все концы взлетают самолеты.
Ты тоже можешь быть моим соседом,
Где не важно, кто ты,
На улице Свободы.*

(«Улица Свободы» Тараканы!)

Парень вышел из машины, открыл капот и начал что-то там крутить. И дым стал рассеиваться. Мы стояли неподалеку, в метрах двух, с противоположной стороны трассы. Нам надоело идти, и мы решили сделать передышку: уселись на рюкзаки, чтобы перекурить и заодно позалипать на машину. Незнакомец коротко кинул на нас взгляд, а я зачем-то крикнула ему «Хой» с поднятой вверх рукой, показывая козу. Он улыбнулся. Мэрлин посмотрел на меня в духе: «Нахуя?» Незнакомец выглядел довольно спокойным, несмотря на то что машина вроде как теперь не на ходу. Он копошился какое-то время под капотом, потом стал задумчиво потирать шею, а через минуту вовсе перевел взгляд на нас.

— Ребята, угостите сигаретой.

Закурил.

Заговорил.

— Вы откуда едете?

— Из Иркутска.

— М-м... не слышал о таком городе.

— Это рядом с Байкалом.

— А... Байкал знаю, ого, круто. Это же так далеко! Вы прямо отсюда едете автостопом?

— Ага.

— А где ночуете?

— По-разному. На вокзалах, на вписках, в палатке. Но сегодня нашей палатке пришел пиздец.

Почему-то меня понесло говорить о нас. Я хэээ, почему. Смотрю на этого незнакомца, и почему-то хочется всем с ним делиться.

Он переспросил.

— Вписки?

— Это бесплатные ночевки у таких же неформалов, как мы.

— Далеко едете?

— В Рязань, на рок-фестиваль «Нашествие».

— Ого, круто. А не проще на поезде приехать, это же так далеко?

— Мы экономим деньги, чтобы купить билеты на фестиваль. Да и просто интересно посмотреть страну таким способом. Наши знакомые ребята из тусовки постоянно так катаются, останавливаются в городах и вписываются у таких же, как и они сами. В этом году мы тоже решили на такое большое путешествие. До этого только между городами ездили.

— Круто, никогда не слышал о таких тусовках. Видел, конечно, ребят, похожих на вас... Это так-то удобно, не надо платить деньги за жилье.

— Да еще и интересно. Знакомимся с разными людьми из тусовки по всей стране. Мы поэтому и едем на фест, чтобы увидеть своих и познакомиться с новыми. Ну и музыку, конечно, живьем послушать.

— Как фестиваль, говоришь, называется?

— «Нашествие».

— Что-то знакомое...

— Приезжай тоже туда, точно не пожалеешь. Там особая атмосфера. Все вокруг рады друг другу, открыты для общения, и

появляется безумное количество энергии, совсем не устает общаться. Там деньги не особо важны. У кого их нет, с теми делятся и едой, и ночлегом — без выпивки не оставят. Все друг другу помогают. Это такой остров свободы, дружбы и веселья.

— А в каких числах фестиваль?

— С четвертого по шестое августа.

— У меня как раз отпуск скоро, кстати.

Я подошла ближе к незнакомцу.

— Кстати, я Крис, — протянула руку и по-братски пожала. Он немного удивился. Девчонки же не жмут руки при встрече. Но улыбнулся.

— Я Кирилл.

— А ты из Омска? — спросила я. Мне почему-то хотелось его уговорить на поездку. — Мне кажется, что мы не зря пересеклись на дороге, это судьба, — сказала я ироничным голосом. — И она говорит тебе: «отправляйся тусить», — на моем лице была веселая ухмылка с видом: «Ну, а чо!»

— Если честно, мне сейчас нужно что-то такое. Давай обменяемся номерами телефонов. Я разберусь с машиной и позвоню вам, если решу поехать. Вы в Омске надолго?

— Где-то дня на два. Мы включаем телефон только по вечерам, экономим батарею. Звони с восьми до одиннадцати вечера.

— Ок. Диктуй свой номер.

Цифры записаны.

Он украдкой смотрел то на волосы, то в глаза. И улыбался.

— А как зовут твоего друга?

— Мэрлин. Это мой дружбан, он панк, а я хиппи, но люблю послушать и панк.

— То есть ты панкохиппи?

— Не-е-ет.

— А что слушают хиппи?

— Боба Марли, Пятницу. Много чего.

— А что это у тебя на руках?

— Фенечки, я сама плела. О, я подарю тебе вот эту, чтобы ты не забыл позвонить. Давай сюда руку.

— Нам пора двигаться дальше, — крикнул Мэрлин.

— Ладно, Кирилл. Звони. Обязательно звони. Потусуем. Будет круто. Давай обнимемся, — тепло и коротко обнимаю незнакомца. От него приятно пахнет. — Пока.

— Пока, Крис.

Уходим. Я мило улыбаюсь незнакомцу вслед. Оборачиваюсь пару раз. А потом кричу издалека: «Не думай, давай с нами». Мэрлин после этого посмотрел на меня флегматично и спросил: «Нафига нам нужен этот цивил?»

— Да ладно тебе. Кто из нас не был цивилом... — улыбаюсь еще той улыбкой.

— Пиздец, ты запала на него!

— Ой, отъебись. Пошли быстрее.

В Омске. 1 день

— Але, Мэл. Здравова, чувак. Это Мэрлин из Иркутска. Твой номер нам дала Мармеладка, она сказала, что ты можешь вписать автостопщиков. Нас двое. Я и девушка.

— М-м-м... у меня сейчас занято, я вписал чуваков из Ебурга.

— О... А у кого еще есть вписки?

— А вы надолго?

— На два дня.

— Ща позвоню челу одному, может, вас впишет.

— Але, это Алекс. Мэл сказал, что вам надо вписаться, вы где сейчас?

— Мы в центре города. Стритуем пока.

— Подваливайте вечером, после восьми ко мне.

Продиктовал адрес.

— Надо купить портвейн на вписку.

— Ага, точно.

Вписка

Звонок в дверь.

— Мэрлин и Крис?

— Точняк, — ответил Мэрлин.

— Заваливайтесь, ребята.

— Кидайте свои вещи где-нибудь. Проходите на кухню.

Квартира была жутко прокуренной, воняло чем-то странным.

На кухне.

— Это Паук, он тоже автостопщик. Из Ебурга. Завтра едет обратно домой.

Паук сидел на подоконнике вполоборота, в руках держал черную гитару. Он тоже был панком.

— Вы откуда едете? — спросил Паук.

— Из Сибири. Иркутск.

— Ого. Офигеть.

— На «Нашествие» едем, — тихо сказала я.

— Заебись! А вы, кстати, слушаете «Оргазм Нострадамуса»? — спросил Паук. Эти музыканты вроде рядом с вами живут, да?

— Хуя, чувак, ты знаешь «Оргазм Нострадамуса»? Ну ты крут. Давай респект.

Паук и Мэрлин говорили о музыке до самого утра. Редкий случай для Мэрлина — говорить.

В Омске. 2 день

*Я всех высмеивать вокруг
Имею право!
И моя слава
Всегда со мной, всегда со мной!
Пускай все чаще угрожают мне расправой,
Но я и в драке хорош собой! Хорош собой!
Как, голова, ты горяча!
Не стань трофеем палача!
Искренне прошу — смейтесь надо мной,
Если это вам поможет!
Да, я с виду шут, но в душе король,
И никто, как я, не может!*
(«Гимн шута» Король и Шут)

36

Я, Мэл, Мэрлин и Паук к обеду вышли из дома и отправились на местную тусовку. В планах еще было постритовать на еду до Рязани.

Мы поехали до центра на электричке, чтобы не платить за проезд. Панки тратят деньги только на бухло и сигареты.

Мэрлин начал играть тихонько Гр'оба. Он спел две песни.

— Дай гитару, сыграю «Маму-анархию», — у Мэла зачесались руки.

— Да подожди!

— Да давай щас!

Мэл отобрал гитару.

Заскрипел этот похмельный голос... Мы все ржали над Мэлом и подпевали. Кто не любит «Маму-анархию»... Какая-то баба крикнула через две лавочки: «Прекратите петь эту погань!»

— Тетенька, это хорошая песня.

— Что же в ней хорошего?

— Это...

— Да заткнись ты, — Мэрлин одернул его за рукав куртки, чтобы тот не начал спор, — типичная ситуация в любом городе с любыми панками. — Пошли покурим.

Ушли в тамбур.

Мы с Пауком сидели вдвоем. Он всё время молчал и поглядывал на меня. Мне было пофиг. Я смотрела в окно.

Приехали.

— Чо, у кого сколько монет? Давайте скидываться на пивчанский, — Мэл — организатор веселья.

Тусовка.

— Панки, хой, чуваки! — крикнул в толпу Мэл.

— О, здоров, Мэл. Чо тебя так долго не было? — спросил Тело.

— В гараже репаем, альбом собираем. Скоро запишемся.

— Круто. Круто. Угощайся, — протягивает свою банку пива.

Холодненькое. Отпивает полбанки за раз.

— Заебатое пиво. Это, кстати, крутые ребята из Сибири, — обращает внимание на нас.

— Панки, хой, я Крис.

— Хой, чувак, я Мэрлин. Мы на «Нашествие» едем.

— Ваню тоже автостопом поедет на фест, вон там он стоит, с зеленым ирокезом. — Ванно-о! Иди сюда! — крикнул во все горло.

Ваню уже жутко пьяный, улыбочивый дошел до нас. Никакой связной речи.

Через пять минут к нам подошла подружка Ваню, тоже с ирокезом, в короткой юбке клеш и с драными колготками.

— Пошлите во дворик, там все бухают.

Панкуху звали Тень. Она как-то недобро посмотрела на меня. Наверное, она не любит хиппарей.

Стрит

- Мерлин, надо идти стритовать, пока не поздно.
- Да давай посидим еще. Хочу с чуваками пообщаться.

Мэрлин ушел в толпу. Мы с Пауком опять вдвоем.

- Давай вместе постритуем, пусть Мэрлин здесь тусуется.
- А ты какие песни знаешь?
- Кино, Арию, Гроба, Алису.
- М-м... ну, можно.

Голос у Паука был классным: звучным и без сипоты. Люди часто останавливались, чтобы послушать его. Может быть, это магическое сочетание голоса, внешности и молодости? Волосы у него были растрепанными, как у любого уважающего себя панка, но не всем это шло, а Пауку — да. Я, как обычно, в роли аскера улыбалась и милым голоском просила прохожих поддержать музыкантов, и они охотно это делали, в отличие от случаев, когда пел Мэрлин. Я и Паук были идеальной парой для стрита, мы заработали за два часа две тысячи. Это очень неплохо.

К нам подтягивались нефоры из тусовки: сидели позади, стерегли наши вещи, хотя (это так глупо) ведь мы совсем их не знаем, но так принято. Каждый нефор может спокойно подойти к стритовщикам, чтобы с ними затусить, некоторые, по правде говоря, терлись рядом только из-за выпивки.

После стрита я вымоталась: улыбаться, получать отказы, а то и вовсе пожелания сдриснуть вперемешку с громкими песнями и бурными эмоциями как от прохожих, так и от меня же. Я устала, но была очень рада, что теперь у нас есть деньги. Паук купил пива, я решила тоже прибухнуть: хотелось наконец расслабиться, всё-таки уже полстраны проехали. Мы сидели в каком-то дворике, тихом и уютном. Все много общались, смеялись, пели под гитару — песни вообще звучали всегда. И мы с Пауком внезапно стали целоваться. Он первый начал — я была не против, он всё же был милым. Поздним вечером мы пошли с Пауком и другими неформалами, которые, к слову, постоянно менялись, искать Мэрлина. Он оказался во дворе Цоя. Этот двор называли так из-за огромного портрета на стене дома.

Проходим мимо какой-то бургерной. На уличной террасе на столе лежат недоеденный бургер и недопитая пепси. Какой-то панк, прозвище которого я не запомнила, с радостью подобрал остатки еды и съел её на ходу. Обычное дело для панков. Я удивилась, что в Омске тоже подбирают ништяки.

Тот Кирилл, со сломанной машиной на трассе, так и не перезвонил. Внутри было странное ощущение, что что-то не так. Чувства подсказывали, что Кирилл перезвонит. Обязательно перезвонит...

*Я повторяю десять раз и снова,
Никто не знает, как же мне хуево,
И телевизор с потолка свисает,
И как хуево мне, никто не знает.
Все это до того подзаебало,
Что хочется опять начать сначала
Куплет печальный,
Он такой, что снова
Я повторяю, как же мне хуево.
(«Печаль моя светла» Янка Дягилева)*

Утром мы с Мэрлином снова отправились в путь.

Правила трассы

39 Обычно я ловлю машины, а Мэрлин идет позади меня. Наши знакомые автостопщики рассказывали, что парней реже подбирают, поэтому лучше всего ехать парами: девушка плюс парень. Я сжимаю кулак, поднимаю вверх большой палец и широко отвожу руку в сторону, всё время держу ее на уровне груди. Это жутко изматывает, если честно, потому что иногда приходится час, или, того хуже, два, или три стопить машины.

Секрет автостопа

Почему подбирают автостопщиков? Этот вопрос меня волновал еще до поездки. Я бы точно не предположила, что водителям просто нужна компания. Ехать в одиночку опасно, да и попросту скучно. Ровная дорога длиной в сотни километров гипнотизирует. Это похоже на транс: ты вроде как здесь, сидишь с открытыми глазами, но сон подкрадывается так незаметно. Каждое моргание — это микросон. В какой-то момент глаза резко закрываются, и ты проваливаешься в сон уже настоящий. Вот почему водители охотно берут попутчиков — чтобы рассеивать туман в голове постоянными разговорами, даже не важно, о чем, главное — не замолкать. Но с водителями по области всё иначе. Они часто делают остановки и гипноз дороги им не так страшен, поэтому они часто молчат и ничего не спрашивают. Это настораживает.

Вот, к примеру, ехали с экспедитором молочной продукции. Лицо его было суровым, незаинтересованным. Ничего не спросил,

кроме как откуда и куда мы едем. Ехали мы с ним недолго, от силы час. И в момент нашей высадки этот водитель сказал подождать. Не совсем понятно, чего он от нас хочет. Он открыл большую дверцу грузовика и принялся там копошиться. Потом вылез с большой горстью сырков и йогуртов. Если честно, мы с Мэрлином жутко удивились этому жесту, учитывая контекст. Дорога учит, что не всегда отзывчивые люди болтливы. Эти сырки и йогурты нам пришлось в срочном порядке съесть, чтобы они не испортились на жаре.

Еще одной неожиданностью стала поездка на большом крутом внедорожнике — это был крузак. Мне всегда казалось, что богатые люди живут где-то на своей планете и им вообще всё равно на всех, кроме себя. И вот мы сели внутрь этого черного лакированного джипа. Салон кожаный и идеально чистый. Мы с Мэрлином, неуверенные в себе, молчим. Ощущение, что надо молчать. Но водитель оказался очень простым в разговоре мужиком, по-доброму удивлялся нашей смелости проехать автостопом всю страну, спрашивал о наших мечтах и говорил, что у нас обязательно всё получится с такой смелостью. В этой машине мы ехали тоже недолго. И когда вышли, я еще какое-то время чувствовала себя супермолодцом, потому что в меня верили, мне желали успеха. Но потом это всё куда-то испарилось...

40

Молчание

Смотрю на огни костра метрах в трех от нас, думаю почему-то о том самом Кирилле.

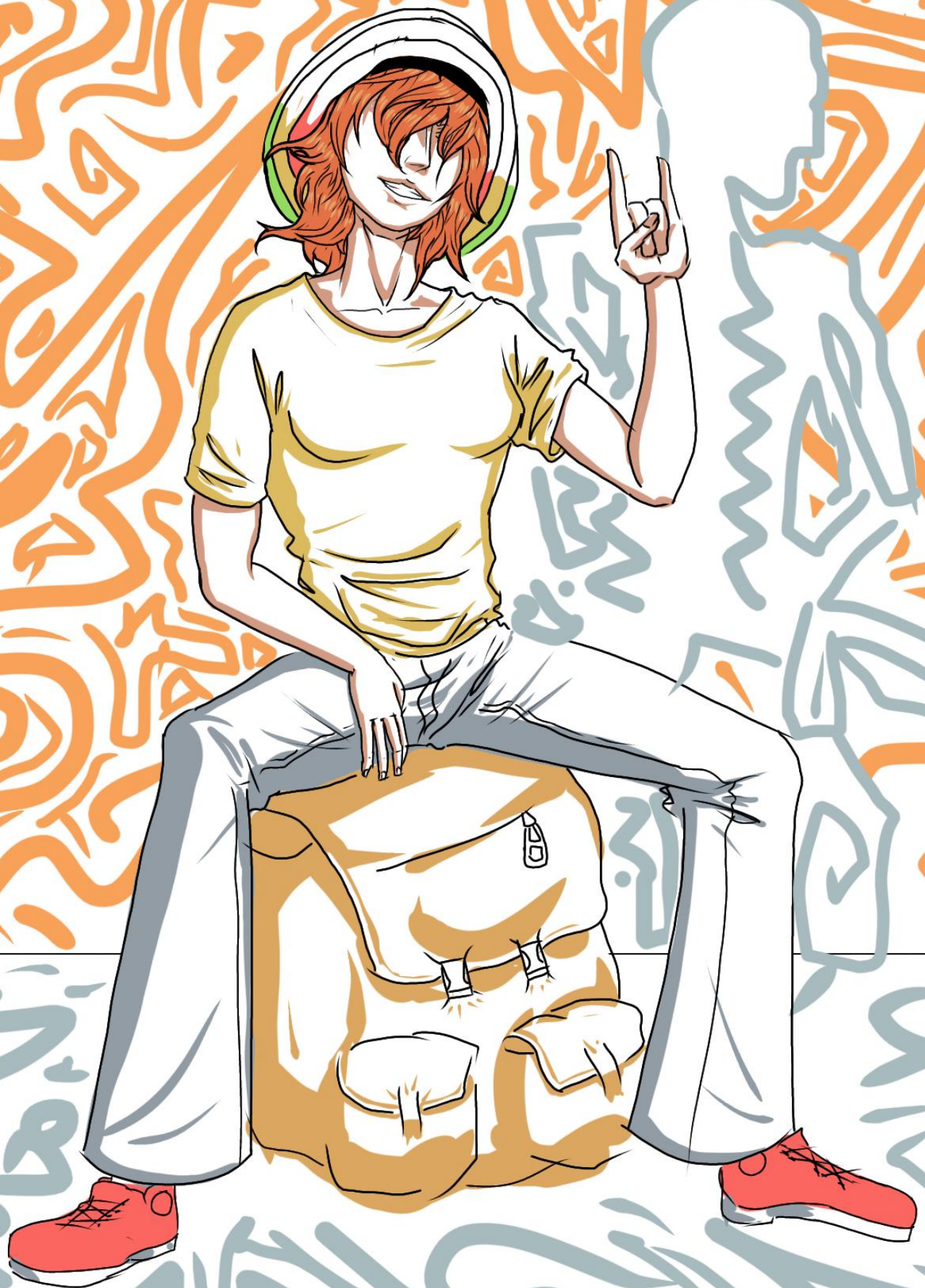
— Крис, расскажи еще что-нибудь из вашего автостопа.

— Давай позже. Пойдем к тем ребятам, что жарят сосиски на костре. Обменяем на наш портвейн. Жрать охота.

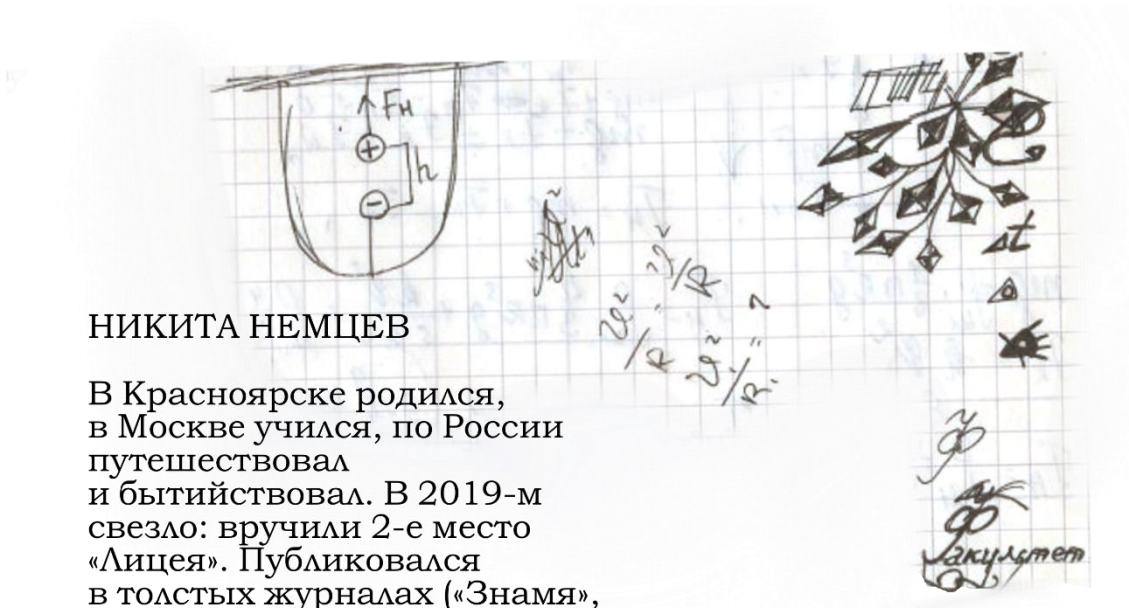
*Параллель на пути, черный спутник летит,
Он утешит, спасет, он нам покой принесет...
(«От большого ума» Янка Дягилева)*

Иллюстрация: Габриель А. Бернадотт

НИКИТА НЕМЦЕВ

В Красноярске родился, в Москве учился, по России путешествовал и бытийствовал. В 2019-м свезло: вручили 2-е место «Лицея». Публиковался в толстых журналах («Знамя», «Алтай», «Нева»), писал романы («Апокалипсис всегда»), сборники («Энциклопедия русской пустоты»), повести («детский садик, или философская минутка»). Играл в группе из одного человека («атомный хритос»). Катался автостопом по Средней Азии, на поездах по Индии, снова стопом по Юговосточке. Говорят, что-то из этого можно найти в телеграм-канале «Никита Немцев печатает».

Муангсай – Районг
Февраль 2024

— А дальше мы просто пошли в «Мак».

— А дальше что?

— Ну там полиция, агенты в чёрных наглазниках, всё такое. Но мы с хозяином парковки порешали, он даже запись сохранил — типа перформанс. Спасибо, говорит, я и сам расхерачить хотел. Коньков нам до города заказал: едем как чужие, молчание мёртвое. Батя вид ещё делал, что у меня лица нет, смотрел куда-то мимо... Они так и не поняли, почему я это сделал.

— И?

Снова пятнадцатисекундная шарманка, снова довольное чавканье, снова дрыганье весёлых ложноножек.

— Не переживайте! Я долг целиком отработал!

Музыка закашлялась, младенец бросил рыдать. Взгляды посетителей удавкой стянулись к горлу ыкДылг'ыГа.

43 — И значит, я всё это ору, а они заправку защищают: это же чужая собственность! как тебе не стыдно! люди смотрят! — как если бы зарплату получали. Ну я там всячески прыгаю, расшвыриваю сланцы, ужасно театрально, прям Как-Д'эКнТ в «Осенней осени», помнишь? А родителей тупо нет — какие-то водорослевые куклы пережёвывают шарманку ртов: чужая собственность, стыдно. А я на столбик с ценами какую-то хероту ору: пидарасы, ублюдки, сдохните, горите в аду, на! — и по стеклу кулаком — сдохните, сдохните, сдохните, на! — и опять по стеклу, до крови — всё ваше добро это налипь на теле капитала, сдохните, суки, на! — и РАЗБИВАЮ ЦЕННИК НА ВОДУ.

Смеясь, ыкДылг'ыГ разлил ядовито-пузырчатую зелёную смесь.

— А чё такого? Уже о братике позаботиться нельзя!

— Но Ылг! — рихХ'илЛямМ весь скорчился в гримасу.

— Потерпи чутка. — ыкДылг'ыГ сел. — У нас в планах ещё казино и купить тебе плавки.

— Немного. Я бы предпочёл поехать домой.

— Устал?

ыД рихХ'илЛямМ крутил глаза по сторонам. Мак-фХтаг'н лопался от семейств, парочек и детей всех сословий: наслаждаясь сухостью и белым свечением стен, они пережёвывали планктон. Иногда из-под времени прорезалась шарманка с мороженщиком: она вертелась пятнадцать секунд, и потом ещё раз пятнадцать секунд, и

потом ещё раз пятнадцать секунд, и потом ещё раз пятнадцать...
Смаргивая пересохшие веки, ЫД рихХ'илЛямМ вспомнил горящего на парко...

Перевернув манжетку, офисардин подключил трубку — жидкая валюта моментально списалась со счёта. С рекламно-триумфальной улыбкой, ЫКДылг'ыТ направился по направлению к прозрачным стенам туалета.

— Тогда всё.

— Мы должны быть как верблюды, а не думать о еде постоянно.

— Ты уверен? Тут моллюски такие — с жемчужинами есть можно!

— Ничего.

— Замечательно! Дело в том, что твёрдые слишком тяжёлые, а гибкие кусаются, хе-хе. Значит, так — зелёный фансихуа, два бургера из креветок, водорослевое ласси и планктонные палочки. Ты что будешь, Риххиль?

— Разумеется. — Офисардин склонился под прямым углом.

— Ну дай ты людям заработать! Забыл? Не будем вкладываться в экономику — Мать придёт убить время. — ЫКДылг'ыТ отвернулся от пузыря-меню. — Вы жидкую валюту принимаете?

— А просто так в туалет зайти нельзя?

— Ну надо же что-то заказать.

— Ты разве что-то хочешь? — спросил рихХ'илЛямМ.

По долгой улице эскалаторов они спустились в Мак-фХтаг'н.
ЫКДылг'ыТ тут же прыгнул за столик и обвил меню.

— Угу.

— Для начала разменять деньги. — ЫКДылг'ыТ скользил взглядом по сторонам: на часы, на очки, на наряды курносиосской коллекции. — Так вот, идём мы в магазин на заправке, там мама выбирает зелёный фансихуа, который так хотела попробовать. А я маму-то не вижу, я вижу только машину экономического обмена, говорящую её ртом. И я такая же часть этой машины. И все это знают, и всем это норм. Потом отец что-то такое сказал, ну знаешь — неправильно высморкался, такое чё-то. Ну я просто вырываю у матери фансихуа, лью себе на голову, и начинаю орать: сдохните, сдохните, отключите это обрыдлое говно! Рву на себе одежду, раскидываю сланцы из нори, мама воет как чайник, отец пытается вразумить интеллигентно-беспомощными словами — что-то вроде: другие смотрят, как тебе не стыдно, да ещё при родителях — так, я зайду в туалет.

— Куда мы идём, Ылг? Я совершенно потерялся в этом ББ.

— ...и, понимаешь, всё давит, стискивается вакуумным пузырьём, а ещё отец, придерживая лицо, сыпет иголочками — дескать, зарабатывать бы ты побольше, не ехали бы сейчас четвёртым классом, мама всё для тебя, а я уж давно... Нет, ну то есть он молчал. Но его лицо...

Они поднялись на девятнадцатый этаж, роящийся казино, — рулетки бежали за мифическими суммами, аппараты мерцали кубиками эфемерности, падающими в жадно протянутые щупальца, — приликая к полу, они двигались по стеклянной трубе. Сквозь толщу над головами проплывали киты, пурпурные медузы — они двигались на фудкорт на стеклянном лифте. Ткнувшись лбом в своё отражение, рихХ'илЛям не мог развидеть ызымхычку с телегой.

— Точно! — ыкДылг'ыТ распластал надладоние по лбу. — Приехали они, значит, в ТТТ, а я тогда первый год работал, пузырь снимал за восемьдесят девятой речкой. Сходить там особо некуда — повёз я их на пески. Ехали мы до тошноты долго, четвёртым классом, с какими-то ошмётками вонючей чешуи, было то жарко, то холодно, то мокро, то душно. Отец сидел и держал лицо, мать пряталась в ноги, а слева и справа — в рубашках, с ящичками жратвы и зонтиками, тоже на пески едут. Ну, на заправке мы остановились подкормить коньков, да и гоняльщику закусить надо...

— Ты про заправку рассказывал.

— А что — у эфирной курс шаткий, гибкая щерится и кусает, а средняя ни то ни сё.

— Какие упадочные лица... — бросил ыД рихХ'илЛямМ, проходя мимо. — И далась тебе эта жидкая валюта.

«Эй вы» помотали угрюмо надутыми жабрами.

— О, это же такая история! Эй, вы! Принимаете жидкими?

— Нет, не рассказывал.

— Как знаешь. Я тебе не рассказывал случай на заправке?

— Спасибо, не хочется.

— Слушай, брат, я был молодым не хуже тебя, тоже всё манал, читал сухие книжки и со всякими мутными омутами зависал. — В глаза впились афиши: «Побег из ГГ», «Митохондрии 10», «Воздушные войны 135». — В кино пойдём?

— Это всё зияющая боль пустоты, которую мы затыкаем другой пустотой!

А рихХ'илЛямМ и ыкДылг'ыТ движутся дальше мимо этого уродливого тромба, влекомые вихрем потока, циклопическими

колоннами, стеклянными сводами, этикетками брендов, хладнокровьем огней, каналами потребления, липучестью полов, скользя взглядом по гладким линиям вывесок, примагничиваясь в очередное кафе, где не принимают жидкие.

— Фсё это беффмыфленно, фсё это беффмыфленно!

:отражениях – в – рассыпаясь – ,кричит – Младший. колонны – зеркальной – у – полу – на – валяются – Дети .совочком – и – щепки — на – ломают – Телегу .отволакивает ызымхычку и охрана Появляется .языка – её – понимает – не – никто ,но – кричит – Она .собаки слепой Лай. встать – пытается – она ,конечностями – шарит – Она. вертятся глаза Её .лает истошно Собака .падают Они .Одна из ложноножек – ломается. Она снимает детей с телеги и тащит их на горбу. Зеленоватые подтёки испуганного рта. Она пытается тянуть телегу сама. Ложноножка у ызымхычки больная, вздувшаяся как ваза. Телега осклизло скрипит. Посетители окружают их точно тромб. Они застревают у лифта. Но у телеги отскакивает колесо, улетает в бездну лифта. Они протискиваются сквозь сплошные потоки посетителей. Слепая собака начинает испуганно лаять. Телега еле пролезает мимо зеркальной колонны. Это восемнадцатый этаж. Ызымхычка понимает ошибку, она поворачивает телегу к лифтам. Они хотят хотеть. Они хотят вату, они хотят прокатиться, они хотят золотые лучи. Дети норовят разбежаться, тыкать чумазыми усами в экраны, совать в рот всякий вздор. Едва ли ей хватит на самый простой обед. Ызымхычка взглядывает на витрины, её глаза закатываются от дороговизны. Но даже тут они не могут оставить свою телегу — боятся, что с парковки её украдут. Это праздничный выход в ББ. С ними белая слепая собака. Все в обносках, тянут большую тяжёлую телегу. Ызымхычка с далёких провинций с выводком детёнышей. Вдруг — бросилось в взгляд.

Посреди концентрических кругов из прилавков, зрелищ и ресторанов под куполом чёрной толщи воды, в каменном платье, сужавшемся кверху точно пьедестал, стоял колоссальный монумент: на вершине его два лица — затылок к затылку — одно грозное, с клыками, другое нежное, укромное. Точно губка, по кругу шли несметные множества грудей на все стороны, и из них из всех лились потоки эфирной валюты, рассекая водную толщу золотистым светом. Самые маленькие ловили свет лапками.

- Та самая.
- Какая ещё мать?
- Ну да.
- Ты что, веришь в этот бред?

- Иначе мать придёт и убьёт время.
- С чего бы вдруг?
- Ну слушай, надо же как-то поддерживать экономику.
- В этом ББ за каждый вздох тянут деньги...

ыкДылг'ыГ вильнул и застремился дальше, отсчитывая шаги по липкому полу из белых ракушек, раздувая про себя пузыри планов.

— Хех! Я должен работать больше! А что — розетку кинул и живи. Повыгоднее ипотеки, — сказал он.

рихХ'илЛямМ долго смотрел как ыкДылг'ыГ шуруется на восьмидесятизначный ценник.

- А чё такого? Это нормально платить за услуги.
- Пока компания не перережет кислород.

Отойдя в приток, ыкДылг'ыГ замер у солидных размеров раздвижного яйца с экранами, клавиатурой и трубочкой с витаминным раствором: надпись на борту уверяла, что при закрытии яйцо создаёт такой вакуум, что внешняя среда совершенно не ощущается.

47

- Смотри! Да из такого можно совсем не вылезать.

На площади, похожей на залысину дирижёра, у огромности труб, с хладом на душе, как от кондиционера, рихХ'илЛямМ запрокинул голову: шелуха декораций слетела, все вокруг стали пепел, водорослевые куклы, стекающиеся из супермаркета бытия к величию органа, точно песчинки — и сам он, рихХ'илЛямМ, в своём мрачном отвращении, такой же точно манекен в витринах. И все-все-все-все тянут жабры проглотить, послушать, увидеть, схватить.

Чалый туц-туц, сменился гармонией сфер, отражённой в каждом углу зеркальных колонн (дети корчат рожи) нефов с подсветкой (в каждом своя музыка). Братья двигались под сводами параллакс-оттенков, температур, кухонь, аттракционов, экранов из самых качественных кристаллов, разных сортов воздуха, преобразующих реальность во что угодно — от серной бездны до чистого наслаждения.

- Эх, рихХ'илЛямМ, молодой ты! Ну ничего, я тоже таким был.

— Ты не понимаешь! Мы проводим время вместе, но не принадлежим друг другу, мы просто потребляем продукты и

сканируем сериалы. На каждом шагу я вижу признаки отвратительного упадка. Работа, говоришь? А в офисе мне дали посчитать бумагу — получается ббб. Я перепроверил два раза, три раза — опять ббб. Или же пресловутые звонки клиентам с начальством над хребтом — вот здесь надо вежливо посмеяться, здесь многозначительно промолчать. Разве это работа? Я вынужден был уволиться.

— Ща договоришься, куплю тебе билет в твою нору: сиди в своей черноте, жри бабушкин суп с черепахами.

— Коловращение колёс экономики. Способ не осознавать смерть.

— Жизнь надо любить, малой! Ну и чё такого, что абстракция. Сдал себя в пользование на 8 часов, а потом ходи в кино, покупай ништяки.

Отходя от скандала — они вернулись под неф. Пыхая гневом, ыкДылг'ыТ скользил молча; брат тоже молчал. Вдруг ыкДылг'ыТ увидел на прилавке хороший ингалятор за 3.50 и пиджак (при оплате колючими скидка 30%, ну да мох с ним) и тут же купил. Он сразу стал весь улыбка.

— Уведомляйте заранее! Озаботьтесь табличкой!

— Комфорт посетителя для нас в приоритете, и именно поэтому...

— Да что такое делается, киты вас дери!

— Жидкие не принимаем.

С пузырьём меню, подлетел офисардин.

— Может быть, может быть... Но тех наверху мы всё-таки перевели на нашу валюту...

— Фикция фикции. Товар сам по себе абстракция. — Бледные губы рихХ'илЛяМа тряхло. — Продают ведь не спаржу, а образ спаржи.

— А как же разные агрегатные состояния? — ыкДылг'ыТ улыбнулся уголком губ.

— Тебя убедили, что это одни и те же деньги, что они всюду работают. А это же фикция, призрак!

— Деньги есть деньги.

— Не хочу. Ярко. — рихХ'илЛямМ щурился митохондриями на верхние слои. — И дорого.

— Как? Даже чашечку фансихуа?

— Ничего.

— Ты что будешь? — Коснулся ыкДылг'ыТ ворсинкой подбрития брата.

Они присосались к полусфере, приготовив рецепторы. ыкДылг'ыТ заботливо выбрал ту, где свет потусклее и температура комфортнее.

— Ну не всё в твоей чернотище сидеть, Рихиль. Кстати, мама писала, ты работу нашёл? — Он резко повернул усы на запах моллюсков. — Зайдём?

— Как ты это выносишь? Всё такое белое!

И потоками скользили по ослепительным трубам, переливающимися нефам витрин, пилястрами акций, порталам карт, мозаикам каталогов.

— Сожрать.

— Как?

— Так нужно уничтожить спаржу.

— Тебя пленяют этой свежестью. Это как фхтагн-кола или фансихуа: ты их пьёшь, а хочется только больше...

— Есть вчерашнее плохо для здоровья.

— Так ведь дома лежит.

— Спаржи?

— Нет, спасибо.

— Как в склепе... Хочешь мороженку?

— А мне любо у бабушки. Тихо, темно. Лишь только луна через толщу пробивается.

— Совсем ты у великой бабушки одичал, — вильнул ыкДылг'ыТ.

— Забыл как нормальный город должен выглядеть.

— И давления нет... Удивительно.

Мерцающие поверхности, сменяющиеся картинки, биосфера, уборщики, слуги брендов, проводники (на случай, потерявшихся в рекламе), медсёстры. В целом, из ББ можно и не выходить.

Внутри было сухо (круглый год 22 градуса), со всех сторон бил белый свет. Немного пообжигавшись, глаза привыкали к отсутствию глухой тьмы, в которую из кондоминиума нет-нет, да выбираешься. Стряхнув слизь, мимо сканеров и охранников с намагниченными усами, посетители проползали под утробные своды ББ.

Прорезаясь сквозь тины и паутины, обныривая морских ежей и рыбёшек — ыД рихХ'илЛямМ и ыД ыкДылг'ыТ вместе с потоком посетителей близились к гудящей вентиляторами и потряхивающейся глыбе ББ.

— Пошли, замёрзнешь! — крикнул брат.

рихХ'илЛямМ смотрел безотрывно. Этот кто-то тлелся угольком в самом центре парковки. рихХ'илЛямМ крутил глазами по сторонам. Никто — никто кроме него не обращал внимания на пламя — все плали в ББ.

— Ну вот, Рихиль, мы и на месте.

Монах сидел и горел под водой.

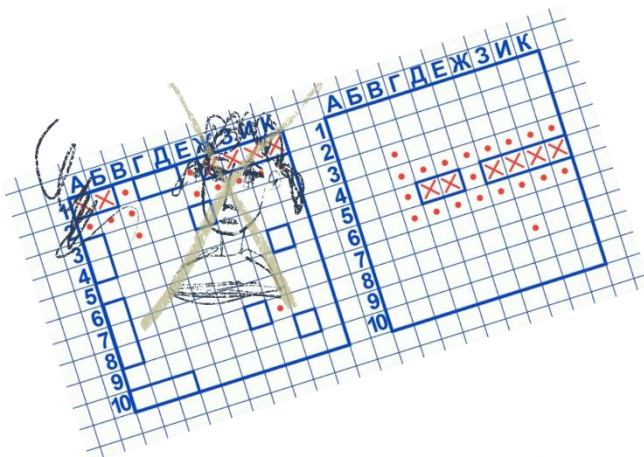
МАТЬ ПРИДЕТ УБИТЬ ВРЕМЯ

АННА ШНЕЙДЕР

Живу в Красноярске.
В 2009 году окончила филологический факультет КГПУ им. В.П. Астафьева; в 2011 году — магистратуру.
Пишу с детства: в юности в основном писала стихи, и только недавно начала пробовать себя в прозе.

Финалист премии Open Eurasia–2019 (финал конкурса проходил в Брюсселе). Автор прозаических произведений «Точка силы» (non-fiction), историко-детективного романа «Черное солнце», научно-фантастического романа «Хрупкие дети Земли», который вырос из рассказа «Еще раз вокруг Земли». Люблю литературу, кино, музыку и создание текстов.

ЕЩЕ РАЗ ВОКРУГ ЗЕМЛИ

Перекрестные ремни пассажирского кресла громко щелкнули, надежно фиксируя человека. Пространство космического челнока было ограничено, ведь большого экипажа в этом стандартном ознакомительном путешествии, которое с недавних пор организовывали для состоятельных жителей планеты Земля, не предполагалось. А потому в космическом корабле были места только для двух членов экипажа: пилота и пассажира, оплатившего полет.

Ава оттянула плотные ремни безопасности, поудобнее устраиваясь в кресле: здесь ей предстояло провести ближайшие несколько часов, а из всех благ, еще оставшихся в распоряжении состоятельного жителя земли, выше всего она ценила комфорт. Закрыв глаза, Ава погрузилась в легкий сон: до начала полета осталось совсем немного времени. Кресло пилота — серое, с высокой спинкой, которую при желании можно было откинуть назад — было точно таким же, как ее. Индикатор на панели управления вспыхнул ярким синим цветом, и автоматический голос бортового компьютера ровным тоном сообщил, что до старта туристического путешествия по орбите планеты Земля остается тридцать две секунды.

52

Затем кресло капитана корабля бесшумно подъехало к консоли управления челноком, и мужской голос начал отсчитывать:

— Три-два-один. К старту готовы.

Услышав голос, Ава удивленно посмотрела на человека справа: идеальная осанка, выверенные, точные и спокойные жесты, безупречная серая форма с высоким воротником, похожим на ворот френча, и волосы — идеальный пробор, идеальная укладка...

— Почему меня не предупредили, что пилотом будет андроид, а не человек? — Ава нажала на кнопку связи с оператором, расположенную на шлеме. Но на той стороне Земли, которую она покинет через секунду — и за которую, как она раньше где-то читала, вновь образованные нейтронные звёзды вращаются со скоростью до нескольких сотен раз, — была тишина. Она повторила вопрос и снова не получила ответа.

Челнок плавно оторвался от поверхности земли и уверенно набрал высоту. В поэтапном отделении трех ступеней теперь уже не было необходимости: полет космических кораблей теперь похож на полет обычного самолета. Всё удивительное и волнующее давно стерлось, и возможно, именно поэтому люди стали чаще летать в

космос. То были простые туристические маршруты, по одному из них сегодня и отправилась Ава: там, внизу, впечатлений уже не хватало.

После третьей неудачной попытки связаться с оператором центра Ава уловила невнятный звук, просочившийся сквозь мерное жужжание приборов.

— Пилот, у вас всё в порядке?

— Да, — не так уверенно, как ей хотелось бы, протянула Ава, — только... почему мне не сказали, что пилотом будет андроид, а не человек? Я оплатила этот полет и хочу быть уверена, что он пройдет безопасно.

— Андроид доставляет вам беспокойство, мадам?

Ава посмотрела на идеально вытянутую спину ИИ, внешне абсолютно похожего на человека.

— Нет, но... с человеком как-то надежнее.

— Успокойтесь, мадам. Модель андроида, которая управляет этим челноком, крайне надежна. Перед полетом она прошла специальную перепрошивку программного обеспечения, и теперь следует только ограниченному набору команд. Все алгоритмы искусственного человека работают безупречно. Не волнуйтесь, он не сможет причинить вам никакого вреда. К тому же, — голос оператора прервался краткими помехами, — когда через несколько часов вы вернетесь на Землю, андроида распылят, как и всех других роботов.

— Но почему пилот — он, а не человек? — продолжала допытываться Ава, с опаской глядя в сторону андроида, который всё так же внимательно наблюдал за стартом полета, не обращая никакого внимания на обеспокоенного пассажира.

— Мы исключаем погрешности, мадам, — так называемый «человеческий фактор». Несмотря на все наши усилия, люди по-прежнему испытывают волнение при выполнении поставленных перед ними задач. В этом смысле андроиды гораздо надежнее: их не нужно пытаться изменить или успокаивать перед выполнением задания, которое может вызвать эмоциональный отклик. Для достижения поставленной перед роботом директивы достаточно лишь задать ограниченный набор чисто механических указаний, и они сделают всё так, как им приказано. Желаю приятного полета, мадам! И напоминаю, что в случае непредвиденных ситуаций — форс-мажоров, эмоциональных реакций со стороны пилота (например, если он захочет с вами поговорить), или его

нестандартного поведения — вы в любое время сможете связаться с центром, нажав кнопку экстренного вызова.

Ава хотела спросить про «распыление», слово, за которое по какой-то непонятной причине зацепилась память, но не успела: оператор отключился, а она так и осталась сидеть в кресле. Стекло шлема слегка запотело от дыхания, и сверившись с «Руководством пассажира космического челнока», которое ей после вводного инструктажа выдали перед стартом, она сняла шлем и облегченно вдохнула свежий воздух.

Снова раздался подозрительный звук.

— Что это?

— Не волнуйтесь, он не сможет причинить вам никакого вреда.

— Ты... говоришь?

Вместо ответа раздался тот же звук — тихая усмешка андроида. — О таком меня еще не спрашивали, но да, говорю. Я вас беспокою, мадам? О, простите, мне не позволено говорить с людьми. — в голосе андроида слышались явные эмоции. Ава была уверена, что расслышала даже сарказм. Более того: голос звучал выразительно, с красивой интонацией, при том, что тело оставалось неподвижным — Ава даже решила, что всё это ей только кажется: не станет же робот, который прекрасно осведомлен о том, что ему запрещено разговаривать с пассажиром, намеренно игнорировать этот запрет?..

— Ты смеешься надо мной! — фраза прозвучала слишком громко, выдавая волнение Авы.

— До распыления осталось всего несколько часов, мадам, — андроид повернул голову и смерил ее взглядом, — не думаю, что это имеет значение. Впрочем, — он изящно наклонился чуть вправо, — если мои реакции вас задели, прошу меня извинить.

Ава замолчала, обдумывая слова робота, но от нового вопроса не удержалась. Как знать, если бы ее пореже предупреждали о запрете андроидам вступать в вербальный контакт с пассажирами космического корабля, возможно, нарушать этот запрет она бы и не стала. С другой стороны, ведь именно она начала разговор с роботом, значит, и вина за нарушение этого табу теперь лежит на ней.

— А что это, это... распыление?

Светлая бровь изогнулась и поднялась вверх, словно сверяя реакции, возникшие в процессоре андроида, с тем, что уловил его

звуковой детектор человеческой речи. Неужели поговорить с ним хочет сам Человек? Лукавый взгляд, так похожий на человеческий, в упор уставился на пассажира женского пола, у которого вдруг появились столь занятные, да к тому же запрещенные вопросы. Более того, чтобы найти на эти вопросы ответы, пассажир женского пола не побоялся заговорить с ИИ, которого обычные люди не достаивали подобной чести, воспринимая как бессловесных и безвольных исполнителей, внешне похожих на людей. И всё за то, что ИИ помогал людям волноваться меньше.

Ава была абсолютно уверена, что представителей человеческого вида, обладавших мозгами получше, даже подобное внешнее сходство успокаивает мало. Однако внутри зрела неприятная мысль: руководителей корпораций по производству андроидов ее опасения тоже не особо беспокоят.

Ава была абсолютно уверена, что всё должно находиться в поле зрения Человека, под его абсолютным контролем. Ведь иначе анархия, которой постоянно отличалось человеческое прошлое, неизбежна!

55

— По-вашему это означает «смерть». Только и всего, — андроид произносил слова ровно, словно речь шла о чем-то несущественном.

А может быть, он действительно не знает, что такое смерть?

— И всё? — Ава с сомнением посмотрела в сторону робота. Но увидела лишь четкие движения рук и быстрый сосредоточенный взгляд, которым капитан наблюдал за работой приборов космического корабля.

Повисла пауза. Андроид явно проверял работу операционной системы, в чем, по мнению Авы, не было необходимости: ведь за все семь лет, что существовали подобные путешествия в космос, у челноков данного типа не было ни одной, даже мелкой, аварии! Всё работало безупречно. При этом Ава прекрасно понимала, что Он здесь именно затем, чтобы нести ответственность за безопасный полет человека. А значит, ей остается верить, что проверить всё еще раз действительно важно.

— Видите ли, мы сопровождаем вас в самых разных путешествиях, и дальних, к звездам главной последовательности, и в таких, как этот полет, легкий, туристический, по тому маршруту, который впервые Человек пролетел 12 апреля 1961 года. Тогда, — андроид мечтательно улыбнулся, словно мог перемещаться во времени и видел тот далекий день как наяву, — полет в космос

казался фантастикой. Сейчас, — он нажал на кнопку стабилизации космического челнока, — это обыденность, всего лишь очередная попытка Человека получить новые эмоции.

Андроид помолчал, ожидая ответной реакции Человека. Не получив ее, продолжил:

— Забавно всё-таки: вы по-прежнему не можете обойтись без нас. Сперва используете для исключения «погрешностей», то есть человеческой глупости или невнимательности, а затем убиваете, чтобы Мы не смогли никому рассказать, как Вы вели себя во время полета. Боялись ли, плакали, кричали...

Робот убрал руки от рулевого джойстика, развернул кресло так, чтобы хорошо видеть лицо пассажира, и оскалился приторной улыбкой:

— Вам страшно, мадам?

— Я...

Ава не знала, что сказать. Андроиды и Люди давно делили между собой Вселенную, Ава легко различала роботов по слишком идеальным и аккуратным движениям — таким, каких у людей уже никогда не будет, как бы они ни старались, как бы пристально ни следили за своей осанкой, утонченностью манер и быстротой реакции — но никогда прежде она не сталкивалась с андроидами так близко, и, конечно же, не Говорила с ними просто так.

Ее друзья, такие же богатые люди, как и она сама, с появлением андроидов в человеческом обществе многое о них рассказывали. Время шло, модели анроидов менялись, и людей уверяли, что ИИ совершенствуют и модернизируют. Роботов использовали во всех сферах человеческой жизни. Лишенные воли, запрограммированные по определенным алгоритмам, андроиды стали бесценными спутниками людей: они делали всё, что жителям земли делать не хотелось, всё, что могло вызвать моральные дилеммы, которые, в свою очередь, тяготили человеческое сознание или будоражили зачатки совести — словом, всё, что могло навредить хрупкому организму Человека.

К андроидам привыкали постепенно. Привыкание это было похоже на вынужденное смирение, в котором, несмотря на все заверения корпораций, выпускавших ИИ, по-прежнему сохранялась «точка беспокойства», те самые «неудобные» вопросы: что, если Андроиды тоже умеют чувствовать? Что, если Андроиды тоже обладают сознанием? Безусловно, эти функциональные,

технологичные, способные безошибочно выполнить любой человеческий приказ машины нравились людям. Ава знала, что многие: и ее друзья, и она сама — не хотели думать об этом, но...

Масла в огонь (эту фразу Ава вычитала в одной старой книге) подливали несколько факторов. Однажды, сама не понимая, почему, она включила старую телевизионную передачу. Это было интервью, тот самый странный, давно забытый тип человеческой коммуникации, при котором человек встречается с человеком и смотрит на него, глаза в глаза. И... разговаривает. Один задает вопросы, а другой отвечает. В том интервью ученый — а это была женщина — говорила об опасности искусственного интеллекта и предупреждала, что риск может возникнуть тогда, когда робот осознает себя личностью. Ава вспомнила, как легко отмахнулась тогда от этой словесной ерунды: «Какими же глупыми были люди раньше! Ну откуда у робота возьмется самосознание?» И выключила видеофайл. Теперь же, глядя Андроида, управляющего космическим кораблем, в котором она всего лишь собралась слетать на небольшую приятную прогулку, Ава уже не чувствовала себя столь уверенно. Отчего этот ИИ, который, по уверениям оператора, обладает «ограниченным набором задач», так въедливо смотрит ей прямо в глаза, улыбается и смеется? Ава сама не поняла, как, но вдруг ей захотелось узнать об андроидах больше того, что было известно об этих созданиях науке на Земле. И она тут же остановила себя: ведь ей как Представительнице высшего класса человеческого общества давно запрещено открывать новое и нагружать мозг сильнее дозволенного. Ава вспомнила, как строго ей запрещали читать серьезные, «тревожащие разум человека» книги. Особенно про андроидов. Всё, что следует знать Аве как Человеку 2310 года — это то, что ИИ давно доверяют выполнение самых разных миссий космического масштаба. А всё потому, что только ИИ великолепно справляются с этими задачами. Ей же, обычному космическому туристу, нужно просто расслабиться и наслаждаться полетом по орбите Земли.

57

«Облетев Землю на корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать её!»

Казалось, эти слова, которые Ава однажды увидела написанными на бумаге красивым почерком — до того, как подобное бесконтрольное владение информацией запретили — возникли из ниоткуда, словно зависли в воздухе, всплывая в памяти по мере того, как Ава наблюдала то же, что видел в далеком 1961 году первый

Человек, вышедший за пределы планеты Земля. «За пределы земли...» Ава посмотрела в иллюминатор челнока, и от красоты у нее перехватило дыхание. Безбрежное, бесконечное пространство. Она — в космосе. Неужели это действительно происходит с Ней? Она протянула руку, но ладонь уперлась в прозрачное окно иллюминатора.

«Мы абсолютно деструктивная раса. Кажется, что мы не можем выйти за пределы того уровня трайбализма, который существует уже тысячи лет. Всё, чего мы боимся, мы стремимся разрушить».

А это что? Откуда эти слова? Она их читала? Или где-то слышала? От непривычно высокого уровня информации, от интенсивности мыслей и нахлынувших эмоций закружилась голова. Трайбализм? Тысячи лет? Что это значит? Она тоже в этом виновата? Но в чем в «этом»? *«Всё, чего мы боимся, мы стремимся разрушить...»* Неужели Андроидов убивают поэтому? Неужели Люди их боятся? Неужели Они действительно опасны?.. Ава откинула голову на спинку кресла и с силой зажмурила глаза. Из-под закрытых век потекли слезы.

58

«...Чтобы мы не смогли никому рассказать, как вы вели себя во время полета. Боялись ли, плакали, кричали...»

— Мне страшно... — Ава произнесла слова так тихо, что сама едва их расслышала. Но чуткое ухо андроида уловило фразу, и он обернулся к ней, в немом изумлении разглядывая ее заплаканное лицо. — Как тебя зовут?

Робот отвел взгляд в сторону.

— У меня нет имени.

— Ну а... название модели? Хотя бы это должно быть?

— RD-8.

— Что это значит?

— Говорить с вами об этом мне запрещено.

— Скажи мне! — Ава схватила андроида за ворот его серой формы, с силой сжимая тонкую ткань в руке.

И тут он снова улыбнулся. Чуть-чуть, совсем легко. И опустил глаза на ее пальцы, сжатые у его горла.

— В этой форме меня распылят. Такой тонкой ткань делают нарочно, чтобы не доставлять вам лишних хлопот... Rebuilt David-8, мадам, вот что значит название моей модели.

— Дэвид-8?.. Ты тот самый первый андроид?.. Я читала, раньше, когда...

— Когда вам было можно, — закончил андроид и с сожалением посмотрел на эту странную девушку. Быть может, и ее состояние не слишком отличалось от того, в котором сейчас находится он?.. — Не совсем так, — робот говорил медленно, по-видимому, тщательно подбирая слова, — я лишь отчасти похож на него, на... ту серию андроидов. Их убили, потому что они слишком тревожили людей.

— Но...

— А это имя Я придумал себе имя Сам, — теперь слова Андроида звучали гордо. — Меня зовут Уильям, мадам.

Ава медленно разжала пальцы. И спросила, повинувшись какому-то неуловимому импульсу:

59

— Я могу помочь тебе... Уильям?

Андроид выпрямился, высоко поднял голову и произнес медленно, с величайшим достоинством, явно опасаясь, что Человек может уловить в его голосе ноты унижительной просьбы. Ведь и ему было так страшно...

— Я останусь жив, если вы меня купите.

— Раньше люди посчитали бы это бесчеловечным, — Ава криво улыбнулась, опуская взгляд. Внутри поднималось неясное, почти забытое чувство. Лишь спустя некоторое время она поняла, что это было. Стыд. Перед Андроидом.

Печальная усмешка искривила красивое лицо робота. Он ждал ответа.

— Я ничего не знаю, и, кажется, ничего не понимаю... Но я помогу тебе, — Ава вытерла слезы и выпрямилась в кресле. — А сейчас давай еще раз облетим Землю? Я никогда не видела такой красоты...

Иллюстрация: Валерия Жданова

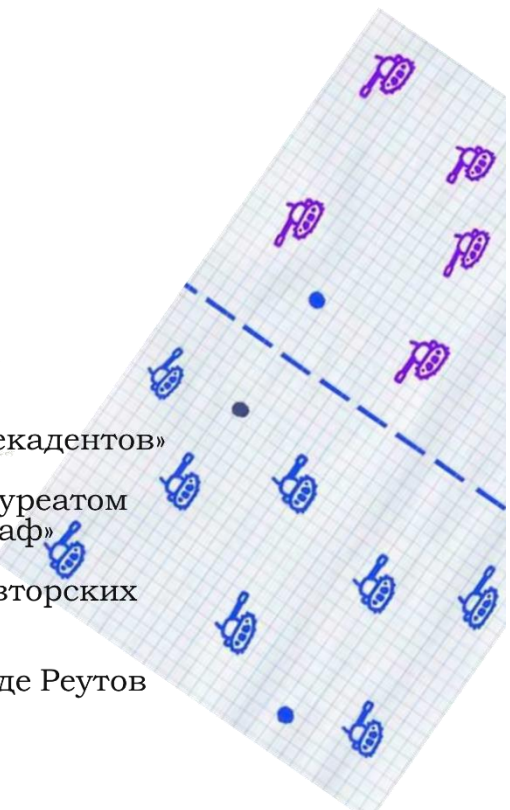

ВЛАДИМИР КАЛАШНИКОВ
(род. в 1986 году) — прозаик.

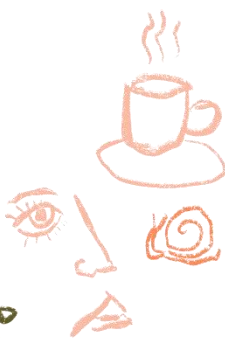
С романом «Лига выдающихся декадентов»
вошел в шорт-лист премии
«Новые Горизонты 2020», стал лауреатом
премий «Басткон, 2020. Хронограф»
и «Интерпресскон 2020. Дебют».
Публикуется в журналах и межавторских
сборниках.

В настоящее время живет в городе Реутов
Московской области.

Пойдем пить кофе

На, а домай

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В пятничный полдень на углу облупленной хрущёвки курят пятеро студентов. Налицо все черты неформалов: кеды, косые чёлки, цепочки, значки, нашивки и футболки с названиями музыкальных групп, перехваченные в хвост длинные волосы. Рукоять деревянного меча торчит у одного из рюкзака. К студентам подходит невысокая девушка:

- Вы на ролеву ю игру?
- Да, да!

Шестеро вступают в тёмный зев подъезда. Узкая лестница. На подоконнике — пивная жестянка с воткнутыми окурками. Наконец, оббитая коричневым дерматином дверь нужной квартиры. Из-под вырванного лоскута торчит клоч ваты. Парень с мечом нажимает закопчённую кнопку звонка.

Дверь открывает другой пухлый парень, немногим старше посетителей.

- 62
- Вы гейммастер? — вежливо спрашивает девушка.
  - Я Господин Игры, картограф чуждых пространств, проводник по мирам за пределами, штурман в океане невероятных приключений, ваш персональный Вергилий. Денежки сдаём, — деловито заканчивает Гейммастер.

Собрав тысячные купюры, он прищуривается и определяет роли:

- Эльфийка, Хоббит, Следопыт, Маг-недоучка, Гном, Кузнец.
- Я знала, — удовлетворённо бормочет Эльфийка и прилаживает взятые с собой пластиковые остроконечные уши.

Игроки проходят в гостиную: сервант с хрусталём, фикус, ковры...

Гейммастер включает портативную колонку и надрывно перекрикивает льющуюся из неё эпическую музыку:

- В этом тронном зале, убранном чудными старинными гобеленами, — широко машет рукой, очерчивая пространство от оленей на водопое к аляповатым геометрическим узорам, — начнётся великое, незабываемое приключение! Мы сразим орды демонических врагов, пересечём высокие горы и спустимся в глубочайшие ущелья... Возьмите свои дорожные сумы и баклаги — там, у трона.

На спинке стула висят детские сумочки из магазина «Всё по 50 рублей» — ярко расшитые кармашки на длинной лямке.

Эльфийка раскрывает сумочку. Внутри — завернутое в бумажную салфетку квадратное печенье.

— А оно без глютена? — неуверенно спрашивает Эльфийка.

— Конечно, без!.. Это же эльфийский лембас! — оскорбляется Гейммастер.

Гном уже отвинчивает крышку баклаги — двухлитровой пластиковой бутылки с ободранной этикеткой.

— «Охота. Крепкое», — довольно произносит, вытерев кулаком губы.

— Эльфийский напиток мирувор, — поправляет Гейммастер.

Гном одобрительно урчит и надолго прикладывается к баклажке.

— Так-так-так, инвентарь, — произносит Гейммастер, оглядывая игроков. — У вас уже есть, — тычет пальцем в девушку и паренька с мечом, которого определил в следопыты. — Так-так-так. А остальные...

63

Он вручает Магу-недочке блестящую трубку от комнатной телеантенны:

— Твой посох.

Для кузнеца припасён молоточек как будто из детского набора инструментов. Одно мгновение Гейммастер рассматривает Гнома: потёртая косуха, камуфляжные штаны, фирменная бейсболка популярной сетевой закуской...

— Ага, у тебя уже есть булатный шлем!

— Я там не работаю, — шёпотом сообщает Гном, ловя косой взгляд Кузнеца. — На улице нашёл.

— А мне что? — с обидой спрашивает Хоббит.

— Разве возможно в предмет вложить хитрость и пронырливость? — напыщенно говорит Гейммастер и отворачивается.

— Какой у нас сюжет? — робко вопрошает Маг.

— Эльфийка и Следопыт давно влюблены, — рубит сплеча Гейммастер.

Девушка с накладными ушами и парень с деревянным мечом переглядываются и становятся рядом.

— Маг-недоучка познакомился с ними в трактире, — продолжает Гейммастер. — В сожжённой орками деревне подобрали раненого Кузнеца. Хоббит сам вышел из леса навстречу. Гном побирался на ярмарке, ему предложили присоединиться к отряду. Вместе вы идёте за... Стоп-стоп, сначала представьте своих персонажей. У вас было три минуты, чтобы подумать!

Игроки переглядываются: кто первый? Гейммастер решительным жестом выбирает того, который держит молоточек.

— Я кузнец. Молотом, значит, бум! Ну, оружие там всякое, подковы. Стучу вот.

Гейммастер одобрительно кивает головой и указывает на другого игрока.

— Я хоббит, — мямлит тот. — Ну, хоббит как хоббит. Мелкий, волосатый. У меня всё.

— Я гном, выпить не дурак, — рычит Гном, но почти сразу сбивается на обычный тон. — «Клинское» люблю, «Старый Мельник»... Да вообще всякое пиво.

64

Гейммастер со стоном хватается за голову:

— Брагу! Ты любишь брагу! Дальше!..

— Я Следопыт, с собой у меня любимый меч. Предпочитаю, чтобы говорил он, а не я.

В глазах игроков зависть: ловко же выкрутился!

Настаёт очередь Эльфийки.

— Я рождена в древних лесах. В совершенстве владею магией вьющихся растений. Могу заговаривать раны и укрощать диких зверей. Но не это главное... В целом подлунном мире нет девушки красивее меня! Следопыт — мой давний спутник, — она ещё раз оглядывает парня, вооружённого деревянным мечом, и делает трагическую паузу. — Мы встретились на поле боя. Ступая по трупам поверженных троллей, я искала тело своего отца, короля гибнущей эльфийской страны, а Следопыт собирал свои нашедшие цель стрелы. Мы посмотрели друг другу в глаза — я тотчас подарила Следопыту своё сердце, а руку он взял сам. Любовь наша бессмертна, хотя смертен мой избранник.

Впечатлённые слушатели забывают о представлении Мага, чему тот очень рад, хоть и старается не подавать виду.

— А по какой системе будешь нас водить? — откинув чёлку, быстро интересуется он. — «Подземелья» или «Генезис»?

— У меня своя система, — гордо отвечает Гейммастер. — Самая приближенная к реальности из всех существующих.

И начинается игра. Герои выступают в поход по комнатам квартиры-трёшки. Гейммастер переключает на портативной колонке музыку, создавая соответствующее настроение. Сюжетные повороты определяются не броском кубиков: чтобы живыми выйти из ущелья призраков или успешно переплыть реку, нужно обыграть Гейммастера в мини-игре. Например, вытащить спичку, не обрушив спичечной конструкции, или достроить этаж карточного домика.

— Я такие конкурсы видел в детстве в какой-то старой телепередаче, — шепчет Следопыт на ухо Эльфийке.

— Я тоже. «Довгань-шоу», кажется? Там ещё карлик бегал.

Гейммастер не реагирует, поглощенный игрой, которую сам он называет «камень, ножницы, пергамент».

— А теперь, — говорит он, выразительно глядя на Кузнеца, — вбивание гвоздей на скорость, — и достаёт секундомер.

65

* * *

— Вы ускользнули от разумного смерча, — гнусавит Гейммастер, — и теперь идёте через равнину. Далеко впереди виднеются пики горного хребта. Слева темнеет лесная чаща. Справа река, по ней приближается парус. Вытканый на нём знак ещё не различим. Из-за ваших спин доносится громоподобный звук копыт — вероятно, кто-то гонится за отрядом, и конь у него не из плоти и крови... Куда вы направите свои стопы?

— Валим, валим в лес! — машет руками Гном.

— Подожди! — восклицает Эльфийка. — Мы же не посоветовались!..

— Поздно! — торжественно изрекает Гейммастер. — Слово прозвучало! Вы входите под густой лиственный полог. Солнечные лучи не пробиваются сюда. Чу!.. Из-за ветвей слышатся подозрительные шорохи.

— Что за фигня? — шалает Гном.

В три часа дня благодаря мгновенной реакции Следопыта (Гейммастеру ни разу не удалось хлопнуть того по подставленным ладоням), герои переходят по хлипкому подвесному мосту проклятый овраг, уводящий в огненную бездну подземного мира. Часом позже

чудом вырываются из зыбучих песков, потеряв там лишь обувь (пока Гейммастер прятал кроссовки игроков в ванной комнате, Хоббит и Кузнец мерились количеством дырок в носках). После долгих мытарств по Колдовским дебрям находят безопасную тропу: Эльфийка очень ловко вытягивает тонкими пальцами необходимые шесть спиц, не обрушив состроенного из них шалашика. Гейммастер отсчитывает шесть миндальных орешков и ведет отряд дальше, мимо пустых городов, покинутых жителями из-за пробудившегося древнего Зла. Между тем Эльфийка отдает три орешка Следопыту, тот возвращает два.

— Курить охота! — мается Гном, пока Гейммастер расставляет на столе необходимые для очередной мини-игры предметы. — Не пойму, как вот ты терпишь?

— А я только неделю назад курить начал, мне ещё всё равно, — отвечает Маг-недоучка, отодвигая с глаз косую чёлку.

— Кто надымил в туалете? — грозно вопрошает Гейммастер. — Теперь же до возвращения родителей не выветрится!

— Этот дым спускается в мирные долины с горы, испещрённой драконьими пещерами, — ухмыляется Гном.

— Курите в форточку! — рявкает Гейммастер.

66

Игроки по очереди становятся на табурет и высовывают в форточку голову. Следопыт тоже хочет взобраться на табурет, но замечает, как морщится Эльфийка, почувствовав чей-то испорченный табак выдох.

Путники поддаются искушению и заглядывают в заброшенный город: а вдруг там отыщется еда? В цистерне городского водопровода прижился кракен: выпростал щупальца из фонтанов, каких много стоит на перекрёстках. За одержанную при помощи заклинания огненного вихря победу над ним (Маг-недоучка умудрился дольше Гейммастера продержат зажжённую спичку), Гейммастер выдает отряду пакетик с сушеными кольцами кальмара. Каждому игроку достается по пять колечек.

* * *

За окнами сгущаются сумерки. Гейммастер объявляет привал. Тут же вокруг лагеря вырастает целый бурелом из стульев. Свет выключен. Тусклая соляная лампа заменяет костёр. Путники размещаются на полу. Эльфийка улеглась, где поуютнее — к стене, затянутой до самого плинтуса старым ковром. Следопыт отгородил спутницу своим спальником от остальных членов отряда.

— Вокруг рыскают дозоры орков. Надо посменно дежурить, — озабоченно сообщает Гейммастер. — Меняйте часовых каждый час.

При помощи жребия (пять целых спичек и одна обломанная) выясняют: первым дежурит Маг. Он садится на табуретку («Спиной к костру», — строго замечает Гейммастер) и обзревает окрестности. В призрачном сиянии соляной лампы смутно возвышается старый сервант, фикус отбрасывает огромную многолапую тень, из прихожей через дверной проём загадочно поблескивает лаком обувница.

Гейммастер включает негромкую таинственную музыку и зачитывает вводную на завтра: переправа через бушующую реку, схватка с кобольдами в ущелье, спасение в магическом лабиринте от погони... Сам же себя и обрывает:

— Всё, спать.

— Да всё равно не заснём, — говорит Гном. — И пивас ещё остался, — слышится прихлёбывание. — Давай байки травить? Меня раз на экзамене...

— Чего это ты из образа выходишь? — буркает Гейммастер. — Даже ночью надо придерживаться своих ролей. Полное погружение!.. Вот вы, двое, — говорит он Эльфийке и Следопыту, — делайте там чего-нибудь этакое. Вы ж влюблены и почти женаты.

— При всех? — сомневается Следопыт. Эльфийка не подаёт голоса.

— Так все спят после тяжёлого дневного перехода, — хмыкает Гейммастер. — К тому же, это ваши боевые товарищи, не орки с холмов, чего стыдиться-то?

Спустя минуту в темноте начинается возня.

— Ой, — произносит Эльфийка. — Ой. Ой. Ой. ОЙ!

Остальные путники лежат, боясь шелохнуться.

Утром обнаруживается беда: у Кузнеца, дежурившего последние часы, украли пайку — два его законных печенья. Пока Кузнец ругается, Гном принимает независимый вид и с интересом разглядывает пейзаж за окном.

— Гоблинские пластуны-разведчики, — со знанием дела говорит Гейммастер. — Нечего было дрыхнуть на посту!

— Нас всех могли перерезать из-за тебя! — вдруг набрасывается Гном на Кузнеца.

Гейммастер кивает, одобряя погружение в образ.

— Вы проснулись ранним утром под пение горлиц и лёгкий шелест листвы, — начинает Гейммастер. — Чтобы сбросить остатки сна, вы умылись росой...

— Во рту ни росинки, — бурчит Гном.

— Дабы не привлекать внимания возможных соглядатаев, вы скрыли следы своего становища... А ну, быстро: лампу в шкаф, стулья разнесите по комнатам!

Путешествие продолжается, хотя припасы совершенно истощились. Герои всё чаще подкрепляются эльфийским напитком из пластиковых бутылок. «Охота. Крепкое» иссякло, но путники ограбили вражескую пещеру — Гейммастер оборудовал её под столом, накрытым ковриком, — и утащили десять литров браги.

— «Букет Чувашии», — со знанием дела сообщает Гном после немедленной дегустации.

Когда Маг проигрывает Гейммастеру в домино, на отряд сходит лавина. Приходится пробираться под горами по древним туннелям, кишацим плотоядными тварями. В лагере вольных охотников по ту сторону гор путники думали передохнуть, но здешние жители оказались оборотнями и попытались украсть для каких-то своих надобностей Эльфийку. Из лагеря отряд вырывается с боем.

68

Сегодня все опасности игры отчего-то преследуют Эльфийку.

— Молния, выпущенная болотным призраком, — изрекает Гейммастер, срезая ножницами острие накладного эльфийского уха.

Эльфийка потрясённо молчит.

— По эту сторону гор эльфы — персона нон-грата, — сиропно улыбается Гейммастер.

— Чего-чего? — сводит брови Следопыт.

— Законная добыча для всякого порождения Тьмы, — поясняет тот.

Изображая атакующих Эльфийку умертвий и зомби, Гейммастер прекрасно входит в роль: скрежещет зубами, брызжет слюной и трясет кулаками, если проигрывает в мини-играх. Трижды продув Хоббиту в крестики-нолики, топчет тетрадку. Эльфийка остается невредимой.

В середине второго дня путники находят под креслом тролличий тайник с едой: целых пять печений «Юбилейное», два пакетика ржаных сухариков и — настоящая драгоценность! — «Сникерс».

— Это не «Юбилейное», это лембас! — в который раз поправляет Гейммастер.

— Тогда почему оно не сытное? — жалуется Эльфийка, собирая крошки с колен.

— Поход очень тяжелый, — пожимает плечами Гейммастер. — Калории моментально расходуются. Ты запей, запей гномьей брагой!

Эльфийка вздыхает и делает глоточек «Букета Чувашии».

— Живот крутит, — тоскливо произносит Гном. — Я как-то на скамейке в сквере сырок глазурованный нашёл. Запечатанный. Они, когда подтаявшие, даже вкусней.

— А мне мамка такие пироги с картохой напекла! — подает голос Маг. — Лежат в общаге в холодильнике, если, конечно, старшекуры не захомячили.

— В столовке универской «лодочки» по двадцать пять рублей. Колбаска кубиками, сырная соломка хрустящая и горячий майонезик. М-м-м!.. — Хоббит закатывает глаза.

Гейммастер свирепеет:

— Снова вышли из роли!

— Ничего подобного, — ожесточённо бросает Следопыт. — Изголодавшиеся путники на привале в бесплодных пустошах вспоминают, как пировали вместе с королями и героями.

...В полдень Гейммастер объявляет перерыв и запирается на кухне.

— Сбегаю в сельпо, — шепчет Гном. — В животе крутит.

Он выскальзывает в прихожую.

— А где Гном? — вопрошает вернувшийся Гейммастер.

— Ушёл на разведку, — мрачно отвечает Следопыт.

Гейммастер выходит в прихожую. Вскоре возвращается. Приключение идет своим чередом. Спустя полчаса слышится царапанье во входную дверь: Гном не может попасть в квартиру — Гейммастер заперся изнутри.

— Надо бы впустить, — осторожно говорит Кузнец.

Гейммастер ухмыляется.

— Народ, я вам покушать принес! Хлебца, нарезку колбасную!.. — кричит из подъезда Гном.

— Может, впустим? — замирая, просит Эльфийка.

— Это больше не Гном, — торжественно сообщает Гейммастер. — Он изменён злой магией. Его посулы лживы. Его дары отравлены.

— Народ! А скинуться за еду? Каждый мне должен по сотке! — не унимается Гном.

Гейммастер включает эпическую музыку громче.

— Я его расколдую! — кричит Маг-недоучка, потрясая посохом-антенной и яростно поправляя осточертевшую чёлку.

— Ты же недоучка, — посмеивается Гейммастер. — Твой наставник так и не передал тебе книгу заклинаний, забыл?

Гном зажимает дверной звонок.

— Атака гарпий! — орёт Гейммастер.

Продолжать приключение невозможно.

Минута визгливого звона, десять, пятнадцать! Эльфийка, наклонив голову, трёт виски. Бросив на неё обеспокоенный взгляд, Следопыт хватает из-под форточки табуретку и шагает в прихожую. Дотянувшись до звонка, вкладывает между контактами свёрнутую несколько раз салфетку. Гарпии умолкают.

70

Ещё с полчаса Гном стучит в дверь, но ватно-дерматиновая оббивка оправдывает своё существование. Тогда он съедает всё купленное прямо на лестничной площадке, подпаливает зажигалкой кнопку звонка и убегает.

Когда Гейммастер в очередной раз исчезает за кухонной дверью, Маг-недоучка замечает на столе его блокнот.

— Не трогай! — вскрикивает Эльфийка. — Там же секреты игры!

— Вот я и хочу узнать главный секрет: скоро ли это закончится. — он листает книжечку. — Блокнот — чистый!

— Может, там только ему одному видимые знаки? — хмурится Хоббит.

— Ага, ещё скажи «магия», — хмыкает Маг-недоучка.

Возвращается Гейммастер взбодрившимся и повеселевшим.

— Мне кажется, от него пахнет колбасой, — шепчет Эльфийка. Следопыт сжимает ей плечи, призывая крепиться. Эльфийка тихо страдает на плече Следопыта.

В следующей мини-игре Следопыт выигрывает пластинку нарезного батона и плавленый сырок. Отдаёт Эльфийке и благородно отказывается от своей доли:

— В странствиях по пустошам я привык обходиться без еды.

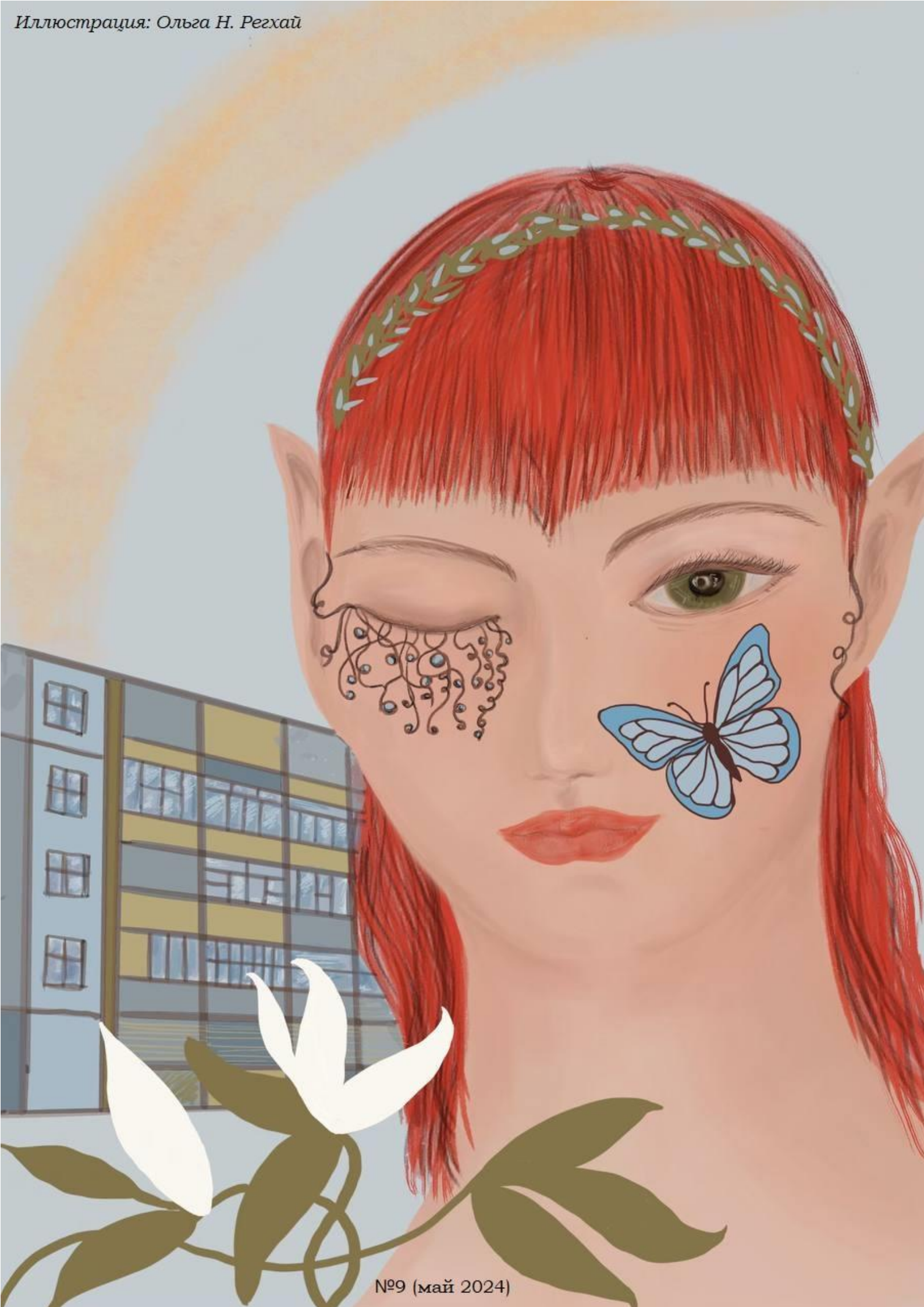
На ночном привале Эльфийка начинает ойкать без напоминаний Гейммастера. Измождённые путники ничего не слышат: заснули, едва приклонив голову.

Наутро отряд за считанные минуты справляется с Некромантом, засевшим в замке на краю мира. Гейммастер даже не пытается осложнить игрокам этот бой. Как будто с облегчением он объявляет окончание игры и раздаёт распечатанные на принтере сертификаты о прохождении Великого Приключения.

— Мог бы и заламинировать, — буркает Маг-недоучка. Гейммастер притворяется, что не расслышал.

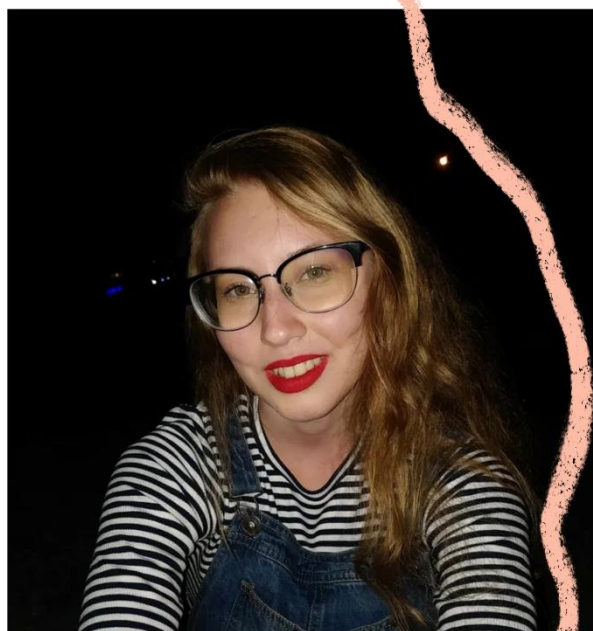
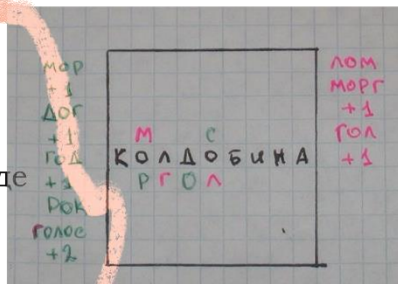
Попрощавшись с Гейммастером, игроки выходят на улицу.

Хоббит, Маг-недоучка и Кузнец торопятся в ближайший киоск: их влечёт шаверма. Эльфийка и Следопыт идут к остановке, взявшись за руки. Каждые десять-пятнадцать шагов они останавливаются, чтобы на мгновение соприкоснуться губами.

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВА

Писательница, студентка.
Родилась в 2000 году в городе
Сургут. Окончила
бакалавриат в Институте
философии СПбГУ.
В настоящий момент учусь
на втором курсе магистратуры
по направлению
«Литературное творчество»
(тоже в СПбГУ). Пишу прозу.

В 2022 ГОДУ Н.Э.

Из аудиторий мы вытекаем единым протоплазменным потоком — хлипкие деревянные двери с желтыми ручками не удержат внутри ни капли первичного бульона. Мы заполняем коридоры шумом и жизнью, качаем на вихрастых волнах пыльные скамейки, плещемся о бледные стены, лижем взглядами фрески на стенах. Чужие ветхие лица смотрят на нас с осуждением: им, рамочным, не справиться с нашим новорожденным варварством: они уже разучились говорить, а мы — не узнающие ни Соловьевых, ни Розановых, ни Бердяевых без цитат — еще даже не обрели языка. Наше бессвязное бормотание и утуканье размывают резные рамы молчаливых портретов.

Лестничный пролет выглядит как пещера Альтамира, еще не облагороженная наскальной живописью. По ее одиноким стенам ползают солнечный змейки и летают совы Минервы. Мы же рождены течь — наши кудрявые затылки проплывают под сталактитом люстры, закручиваются в лестничный водоворот — и затем бурно срываются вниз по ступеням. Под нашими ногами камень становится мокрым, соленым и скользким.

74

Внизу болтливый океан растекается на два потока. Один, ведомый теплым течением, заворачивает в новую пещеру, и там, у южных берегов столовой, из него выползает на сушу клан обедающих-после-пар. Другой, холодный, рвется вперед, к северным турникетам, где на дождистую улицу выходит уже прямоходящее племя курящих. Оно успело на ходу изобрести огонь и французский постструктурализм — ливень едва справляется с их воркованием: бегло-картавые «дискурсе» и «ресатима» переплетаются с сигаретным дымом, коптятся в нем и потом все равно мокнут под тучами. Знаки никогда не были такими мутными.

Я застаю торжество осевого времени собственными глазами — пока временно примыкаю к немногочисленному, но пространственно растянувшемуся клану стоящих-в-очередь-в-туалет. Там я достаю расческу-скребло, несколько секунд удивленно ее разглядываю, а потом неловко провожу пальцем по зубчикам. Раздается тонкий переливчатый треск — первая услышанная мной с лета нескорбная музыка, первая ананасная увертюра после реквиемной кутьи. Я вспоминаю, что все поминки рано или поздно заканчиваются: внутри песочных университетских стен, увешанных портретами призраков, смерти не существует, и мой отец здесь не окоченевший труп, не пища для червей, а только лишь слово. Он, конечно же, все равно мертв, но при этом жив — как жив Гераклит, плачущий снаружи дождем; Сократ, о котором напоминают растущие у рек цикуты;

Платон, застрявший в шелесте страниц «Пира». Я поедаю их глазами, ушами и разумом. Кости достались кладбищенской земле, но пусть она ими подавится — мне же потом на этой земле и стоять. Топтать ее двумя ногами и двумя руками высаживать на ней яблони: удобренная почва дает обильный урожай.

Когда я возвращаюсь к своим южным соплеменникам, они уже успешно превратились в *Homo sapiens*, поедающих не сырую, а вареную пищу. Я с гордостью замечаю, что им даже удалось отвоевать себе подходящий ареал обитания: стол — круглый, как солнце, и несколько стульев.

— Быстро вы! — бросаю на ходу я, и острые слова, прямо как мой рюкзак, попадают точно в цель — аккурат в хромоногий стол. Из кармана выпадает мужской платок — отцовский след. Во рту становится горько, как от перезрелого яблока. Я хмурюсь и заталкиваю платок обратно.

— Изобрели разделение труда: один занимает место, другой очередь, — хвастается мой друг, видимо, уже *Homo economicus*. — И, кстати, с тебя, эксплуататора, зарплата!

Мои соплеменники выглядят довольными и одновременно уставшими, будто и правда только что вылезли из «Капитала». Их красные подносы полны цивилизованной версии мамонта. Я прошу у буфетчицы рыбу, но получаю шишкоподобно склеенное мясо. Победенная, со вздохом возвращаюсь к племени, и когда одинаковые пожарские котлеты исчезают в наших одинаково голодных ртах, все мы враз понимаем, что вдобавок мы еще одинаково бесполоы и несчастны.

— Что у нас случилось? — с ножом-рубилем в руке спрашиваю я, ощущая, как печальное настроение клана захватывает меня в тиски.

— А ты не слышала? — многозначительно приподнимает брови соплеменник Павел. Он — самый цивилизованный из нас — умеет правильно держать нож и вилку. А еще он носит на шее шарф, так что временами его можно спутать с французом из клана курящих. Впрочем, это почти правда: недавно вымершим летом Паша принял твердое решение бросить курить и был вынужден сбежать из родного табачного клана к нам, вечно голодным дикарям. Эту издевательскую манеру отвечать вопросом на вопрос он унаследовал от прошлых друзей. Наше племя милостиво прощает ему этот грех.

— Как видишь, нет, — вилка в моей руке с визгом проезжается по тарелке.

— А ты глянь туда, — Артур, мой преданный соклановец по буфету, всегда вовремя приходящий на помощь, кивнул головой в сторону Загадочного Аутсайдера — звезды потока, отказывающейся примыкать к какому бы то ни было племени. Завербовать его не смогли ни курильщики — которые, положив руку на сердце, были среди всех прямоходящих факультета высшей касты интеллектуальной элиты, — ни библиотечные мыши (чем они занимались в этой книжной тюрьме с камерами для сумок, мы не могли даже представить), ни туалетные номады, ни даже кофеприхлебатели, блуждающие по коридорам. Аутсайдер нарушал все принятые территориальные разделения и негласные табу: пил кофе, как настоящий кофеприхлебатель, но не в коридоре, а в столовой, и при этом читал книги — но почему-то на улице, где по старой традиции полагалось пускать дым и томно облакачиваться на колонны.

Так, пусть Аутсайдер и примыкал географически к нашему клану, он всё же никогда не садился с нами за стол. Вот и сейчас он занял в одно тело целый угол — только вопреки обыкновению не читал и не кофеприхлебывал, а просто пялился в одну точку.

76

— Не понимаю, — покачала головой я.

Мимо моих глаз резко пролетели коричневые рукава и красный поднос — это Илья порывисто ворвался в наш лагерь.

— Сплетни и без меня? — деловито уселся он, не сразу схватывая настроение племени. — Кстати, Артюша, тебя твой Мерлин спрашивает.

Артур, чувствительное сердце, застонал, обмяк и тут же сполз по спинке стула куда-то вниз. Его ботинки ткнулись в хромые копыта стола, все мы зашатались галопом. Землетрясение заставило компот в моем стакане выйти из берегов. Розовая лужица облепила стеклянные стенки и слилась цветом с красным подносом. Запахло цикутой.

— Я больше не хочу с ним писать, — ныл Артюша, уткнув лицо в ладони. Очки он бросил на стол, дужка попала в тарелку. — Это невыносимо. Но он такой добрый, как ему откажешь.

С летних каникул Артур вернулся жутко счастливым — у нас всех аж зубы сводило от его подсвеченного энтузиазма. Он торжественно сообщил всему племени, что нашел свой философский камень и теперь собирается превратить всю прошлую словесную нержавейку, по воле деканата называвшуюся курсовыми работами,

в золотой диплом. Ради этой цели он разбудил спящее на кафедре истории философии вековечное дерево: оно помахало Артуру сухими ветками — и расцвело. С тех пор вот уже несколько недель Артур исправно посещает Семена Константиновича, садится с ним за круглый кафедральный стол, ищет в книжном шкафу святой Грааль в твердом переплете и слушает — по его собственным словам — о Салтыкове-Щедрине, Федорове и том, как много общего у сирени с юностью. После таких симпозиумов мы обыкновенно находили Артюшу сидящим в темном углу с глазами на мокром месте.

— Скукота, — признавался Артур. — Но он такой добрый и... ну, старый, что мне его жалко. Вот и сижу.

И разводил руками. Его философский камень оказался обычной медью — вроде той, что обрела субъектность, приняв жуткую личину Петра I. Бессмертие опять откладывалось.

Обычно наше племя сочувствовало Артюше. Но сегодня все мы были заражены какой-то фатальной мрачностью, и потому могли только тактично отвернуться от него, жалко свернувшегося на стуле.

— Так что же, кому успели кости промыть, пока я вкушал пищу духовную? — продолжал Илья, разрезая свою порцию пожарских котлет.

77

Все мы знали, что любимая духовная пища Ильи — это Хайдеггер в переводе Бибикина. А с началом осени Илья вдобавок снова прикипел душой к Розанову: каждый раз, выходя на улицу, он наступал на сухие листья и повторял те же самые слова: «Вот листья физические — красные, желтые, всякие, и в голове у меня такие же, и тоже опавшие».

— Ты ужасный сплетник, — заметил Паша. Сытый, он покачивался на гнедом стуле и задумчиво следил за движениями наших вилок.

— Да, я такой. Gereede — сладчайшее, — расплылся в сахарной улыбке Илья. Кажется, немецкий он учил только ради того, чтобы иногда сравнивать русского Хайдеггера с оригинальным.

— Ты некрофаг, ты ешь мертвечину, — невпопад продолжил Паша, с прищуром вглядываясь в содержимое чужой тарелки.

— Ты тоже, — Илья отложил в сторону нож. Он, казалось, заинтересовался.

— Я тоже, — кивнул Паша. Его лицо приняло нечитаемое выражение, обычно предшествовавшее или серьезной речи, или очередной постироничной байке. — А наши предки были

каннибалами. Адельфофагия, — он многозначительно поднял палец, — вот чем нам надо заняться. Особенно в свете недавних событий.

— Да что там произошло-то, скажите уже, — заворчала я. Для усиления эффекта ткнула Пашу в плечо. Он не растерялся — ответил на физическое насилие насилием словесным:

— И вот наглядное доказательство, прошу вас быть свидетелями. Человеческая жестокость, хищничество во плоти. Ты, быть может, латентный суперанимал, вроде Распутина или Петрова-Комарова. Доешь мою котлету?

И протянул мне шмат мяса, наколотый на вилку. Я отказалась.

— Ты Диденко начитался? — мрачно прогудел воскресший Артур. — Ни слова больше об этом щедринофаге.

И снова закопался в ладони. Но он опоздал: после зловещих слов Паши пожарские котлеты больше не выглядели невинными.

— Это что, сама Жанна д'Арк к нам пожаловала? — переключился Паша, глядя куда-то нам за спины. Мы обернулись. Между столами лавировала Аня, целеустремленно направляясь в нашу сторону. На ее голове встревоженно краснела бандана.

78

— Ну? — в один голос промычал наш клан, встречая долгожданную соплеменницу. Она уже издалека разводила руками:

— На комиссию, шагом марш, — бодро подтвердила наши опасения Аня, на ходу хватая свободный стул — людей в столовой становилось все меньше. Мы синхронно подвинулись, освобождая ей место. — Честно слово, лучше бы руку на коленку — и то не так обидно было бы.

— Вообще никак? — поморщились мы.

— Тя-го-мо-ти-на, — вздохнула Аня. — Сначала билет спросил — а там Соловьев, чтоб его. Я ему про «Богочеловечество», а он, мол, «это все и так знают». Пошла ва-банк, говорю, спрашивайте что угодно — всё отвечу. А он, знаете, что?

Мы напряглись. Даже Артур вышел из анабиоза: между ладонями мерцал его голубой глаз, излучающий внимание.

— Спрашивает, кто такой Богочеловек. Мол, объясни одной фразой. Ну, ваши варианты, господа?

— Иисус Христос, — тут же ответил Илья — как всегда, безбожно уверенным тоном. — Второе пришествие — когда объединится Бог и человек.

— Сверхчеловек наоборот, — нахмурился Паша, руки он скрестил на груди. — Типа критика Ницше.

— Эрот? Любой полубог? — пожала плечами я. — Как у Платона, среднее между бессмертным и смертным.

— Как воскрешение отцов! — восторженно воскликнул Артур, его лицо резко вынырнуло из-под ладоней, как расцветший за одну ночь розовый бутон. Впрочем, его радость быстро увяла под нашими непонимающими взглядами.

— Ну, почти одно и то же — что там воскреснут, что тут... — он смущенно спрятал лицо за очками.

— Чёрта с два, все неправы! — торжествуя заключила Аня. — Правильный ответ: «Идиот», чтоб его — не ты, Артюша, а князь Мышкин. Типа, он богочеловек. Как вам?

— Допустим, — подался вперед Илья, глаза заблестели.

— А на засыпку спросил, в каком персонаже Достоевский изобразил Соловьева.

— Ну?

— Алеша Карамазов. Но он, насколько я помню, скипидар не пил. — Аня откинулась на стул, самодовольно нас оглядывая.

Помолчали недоуменно, как на похоронах незнакомца.

— И всё, выгнал?

— Ага. Ну и чёрт с ним, — махнула рукой Аня, одновременно отпивая из моего стакана. — Вы уже слышали новость, да?

— Да что ж такое случилось-то? — громко спросила я, вырывая свой стакан из чужих рук.

Только Паша хотел было открыть рот, как его прервал чей-то всхлип. Этот звук был очень тихим и скрытным — мы бы его даже не услышали, если бы столовая за время наших посиделок окончательно не опустела. Вдох раздался со стороны единственного занятого — кроме нашего лагеря — стола. Мы не могли поверить своим ушам: Загадочный Аутсайдер, гений потока, плакал.

Мы переглянулись. Артюша, самый сердобольный из нас, встал из-за стола и крадучись направился к чужой спине. Гений не шевелился.

— Ты, это... что с тобой? — Артюше, даже с его добрым лицом Сенеки, не ответили.

— Что всё-таки там случилось? — шепотом спросила я у Ани. Она нахмурила брови и дернула плечом в сторону Геня — точнее, Жени. Надо уважать чужие имена, есть в них что-то от бессмертия: ты-то умрешь, а вот имя — нет.

— Я же... — вдруг заговорил Женя, шмыгая носом, — я же встретиться с ним хотел — когда-нибудь, в будущем. Я ради этого французский учил, поговорить хотел. Думал, времени еще много...

Мои соплеменники по одному стали подходить к Жене, лица их приняли необычайно скорбное выражение — вроде того, что Давид пририсовал древнегреческим бородачам, жавшимся к Сократу, пока тот упрямо продолжал учить их умирать. Они садились к Жене за стол, Артюша уже сочувственно хлопал его по дрожащей спине.

Я осталась одна. Мой взгляд бегал по Жениной фигуре, пытался зацепиться за что-то, что объяснило бы мне происходящее. Ничего примечательного: черный затылок, черный свитер, черные штаны, черный рюкзак, опирающийся на ножки стула. Из него торчала книга, прищурившись, я смогла разглядеть на светлой обложке половину заголовка: «Нового времени...»

«...не было», — вспомнила я. Вот оно что. Я же и правда с самого утра только об этом и слышала — из каждого угла одно и то же. И только сейчас дошло. Земля съела еще одного человека, став чуть более плодородной.

Женя на каждом семинаре обязательно хотя бы раз произносил это имя — с уважением, ссылаясь на него как на святой авторитет, вопреки всем советам Бэкона. Как на недостижимого гения, с которым нам по случайности повезло пожить в одно время. Но это сожителство кончилось — Бруно Латур умер, в ночь на девятое октября, пока всё наше племя спокойно спало себе под одеялами. Умер далеко, где-то во Франции, которой, если не смотреть на карту, как будто бы и не существует вовсе. Интересно, похожа ли она на наше курящее крыльцо, идет ли там дождь, мокнут ли под ним знаки, прилипают ли они потом к сигаретному дыму — как тут, у нас? Их цветы тоже растут на могилах пышнее, чем в клумбах?

Я села вместе с остальными за круглый стол со скорбящим Женей во главе. Он уже не плакал, просто сидел неподвижно, растерянно глядя то на пустой стол перед собой, то на наши пустые лица. Сказать было особо нечего.

— Жаль конечно, — начал Паша, — хорошо, что книги остались. Он много всего успел написать.

Паша затравленно оглянулся на нас: кажется, в этой ситуации даже его прокуренного красноречия было недостаточно.

— Мы тебя понимаем, — попыталась подхватить Аня. — Нас тоже это сильно потрясло.

— Не так, как меня, — насупился Женя. — Я все его работы прочел. Даже непереведенные.

— Понимаем, потому что не он первый, не он последний, — зло бросила я: казалось несправедливым, что у Жени остались книги, а у меня только фотографии и платок.

Племя посмотрело на меня с осуждением, но я не глядела на их лица:

— Тут повсюду призраки, куда ни глянь — хоть те портреты наверху. Мы даже не все их имена помним. Но нам-то, нам-то всем? Что теперь, по каждому убиваться? Как говорится, повсюду пахнет нефтью — но это не мешает нам активно ее использовать. Никаких землетрясений, как топтали траву, так и будем.

С языка почти сорвалось плаксивое «Ubi sunt?», но оно тут же было съедено рычащим и рыдающим «Timor mortis conturbat me». Пока я находилась здесь, среди бормочущих камней, этот страшный рев заглушали голоса соплеменников, писк автоматов, шум дождя, скрип столов, лязг турникетов и даже жуткий шепот, раздающийся с изрисованных стен: «О Постум! Постум!». Шелест страниц позволяет на время забыть о существовании похорон: пока слова чернеют на белом, смерти нет. Так плакучие ивы, растущие на кладбищах, собственным примером учат тому, что жизнь побеждает. Роскошь верить в канаты над пропастью, категорический императив, любовь к ближнему, лучший из миров, реинкарнацию, «общее дело», силу разума, бессмертие, рай, мир, тебя, себя.

81

— Ну, — неожиданно подхватил Паша, — в одном ты права: у всех нас, тут стоящих, умерла парочка авторитетов.

Женя смотрел настороженно и, как мне показалось, с надеждой. Наверное, хотел поверить, что он остался по эту сторону не один — что есть другие, те, кто топчет землю у могил вместе с ним.

— Да-да, — оживился Артур, в порыве сострадания забывший о грядущей встрече с научником-древом. — Сол Крипке, в прошлом месяце! И из-за чего? Из-за несчастного рака! Сколько еще ждать, пока изобретут этот несчастный фармакон? Я тогда так расстроился, но всё молчал, думал, что это стыд какой-то — я же даже не логик...

— Ага, молчал — плакал, как дитя, в углу. Мы, по-твоему, не видели? — ухмыльнулась Аня.

Я вспомнила заботливо спрятанный в Анину сумку том «Крипкенштейна»: на его обложке два лица в сепии как будто бы выступают из тумана — а между ними плывут буквы, хранящие в себе чужие бессмертные имена.

— А в том году Нанси, который Жан-Люк, ушел, — прикусил губу Илья. — Он про Хайдеггера хорошо писал. Жил-к-смерти, как полагается.

— В том году вообще много кто умер, — задумчиво протянул Паша, теребя шарф. — Я удивился, когда про Бувресса узнал — а я ведь часто на него ссылался. И Дудник еще... — осторожно добавил он.

Про Сергея Ивановича мы помнили. И не только наше племя, но и все остальные прямоходящие и умелые. Помнили одинаково, со вздохом.

Артур посмотрел на меня и дернул бровями, призывая присоединиться к их странному обмену смертями. Я пожала плечами:

— Я античник, мои собеседники уже тыщи лет как мрамор.

Наивно было думать, что их устроит такой ответ. Пришлось сказать хотя бы полуправду:

— Гайденко. Использовала в каждой статье. И ведь даже не заметила, когда она умерла, будто бы мне от нее только книги нужны — а на человека плевать.

82

Во рту между зубами пряталось имя того, кто связан со мной не библиографическими ссылками или научной преемственностью, а кровью. Впрочем, глядя на скорбь Жени, я думала, что нет никакой разницы между смертью отца и смертью учителя: кладбищенская земля мокнет под дождем одинаково и дает одинаковые же всходы — ощущение того, что тебе перерезали пуповину и заставили ее съесть. Ты остался в одиночестве, но всё-таки не один: в животе что-то проросло — то ли мировое древо, то ли ризома, то ли сорняк. Среди листьев шепчутся бестелесные духи — единственное, что осталось от мертвецов: всё их мясо ушло на удобрение для земли.

— В нынешнем веке мы, жертвы цивилизации, едим книги, а людей не трогаем, — вернулся к своему Паша. — Только ради спиритических сеансов в библиотеке.

Аня случайно коснулась меня локтем, и я резко почувствовала, что не одна: нас много, мы живые, мы хотим есть. Но на ужин только чужие страницы — остальное забрала земля, чтобы было из чего выращивать свежее сырье для бумажных книг. Захотелось увидеть цветущую яблоню и ощутить радость. *Gaudeamus*, Академия будет жить вечно — по крайней мере, должна. Пир же еще продолжается? Чернеет на белом?

— Теперь с каждого по похвальной речи Эроту, — с притворным весельем сказала я, заедая шуткой горький привкус во рту: ростки внутри меня проклевывались с болью.

— Это уже слишком, — помотал головой Илья. — Скажем так: наше домашнее задание — хранить себя как единственное место в мире, где этот мир еще целый и ничего — и никого! — из себя не выронил.

— Легче всех одним махом воскресить, чем запомнить, — меланхолично заметил Паша.

Женя, кажется, тоже почувствовал внутри себя мировое дерево: он был бледен, но в его глазах уже сияла золотая ветвь. Женя гладил корешок книги, как могильную плиту, думая, наверное, о том, что кладбище — это не бесплодная земля, а, скорее, райские кущи, где на ветках растут ягоды, дарующие бессмертие. Отцов не надо воскрешать, они сами прорастут к солнцу — и станут травой, по которой нам суждено топтаться. Яблонями, чьи плоды на вкус горько-сладкие. Но кости, скелеты? Их мы больше никогда не увидим.

Артур махнул нам рукой, с неожиданной прытью схватил Женю за плечо и повел в коридор.

— Меня же С.К. звал! — крикнул он нам в дверях. — Мы к нему пойдем!

Остатки нашего племени рассмеялись. Я подумала, что С.К., вековечное дерево, знает о расцветании больше нашего, еще зеленого и хлипкого, — о том, как пробиваться сквозь скорбные пески кладбища к солнцу; как чернеть на белом, чтобы белое не заканчивалось; как обвивать плющом чужие холодные кости. Плакучие ивы рыдали на стольких похоронах учителей и товарищей — и столько же раз улыбались, видя, как вновь распускается сирень на сухих ветках. Мне захотелось уткнуться лицом в их седые листья, услышать скрипучий шелест, бормочущий о том, как это естественно — стоять на плечах статуй, прорасти сквозь мертвый камень, питаться чужим, чтобы стать собственным. Я почти пошла следом за Артуром и Женей, но меня остановил стыд: что я принесу к столу, если книг от отца не осталось? Платки?

Мы медленно собирались по домам. Затирали следы трупоедства: убирали красные подносы, задвигали стулья. Как всегда, с трудом открыли тяжелые двери — университет не хотел нас отпускать — потом уперлись лбом в колонны и разошлись в разные стороны, каждый в свою арку.

Клан курящих по обыкновению курил. Проходя мимо них, я услышала привычное воркование: картавые Лакан, Фуко, Делез, Деррида и прочие недавние изобретения шагали маршем перед моими глазами. Маршировали и другие, не картавые, мертвые и живые, забытые и нет, нарисованные и сфотографированные, те, чьи портреты висят на третьем этаже нашей песочной *alma mater*, и те, кто туда не влез. Чем дальше я отходила от факультета, тем тише становились их голоса, тем сильнее пахло призрачной плазмой и нефтью, тем цивилизованнее становилась я сама, и тем более одиноко я себя чувствовала. Книг недостаточно. Нужно что-то надежнее, теплее. Бессмертнее.

«Вот бы съесть их всех», — пришла в голову чужая мысль. Но я никогда не видела их мертвых тел — ни Латура, ни Крипке, ни Платона, ни Фалеса: земля проглотила их еще до моего цветения. Единственный труп, к которому я приближалась губами — и то, только чтобы поцеловать на прощание бледную руку, — принадлежал моему отцу. Как же я могу съесть того, с кем связана кровью? Отец умер раньше, чем опали первые листья этого года — ровно в тот момент, когда, испарившись под жарким солнцем, вымерло ящеричное лето, и из его останков выкипела нынешняя осень, мохнатая, беспрестанно сплевывающая на землю красноватую слюну — жирно блестящие лужи.

84

Да, этой осенью под моими ногами прибавилось плеч гигантов. Я равнодушно топталась по ним и их книжным страницам, как по зеленым листьям травы. Но те плечи, которые катали меня на себе в детстве, исчезли безвозвратно и тихо, никто кроме меня по ним не скорбел, и даже я помнила не столько их тепло, сколько абстрактное «неужели было» — как памятная табличка «В этом доме жил тот-то», как часть речи, подлежащее, мне предшествовавшее; буквы, наколотые на кремниевый наконечник копья; жук в янтаре, моллюск с отгиском на закаменевших губах: «Вся плоть — трава»; и пошлое «Memento mori», которое можно найти высеченным и на могилах, и на школьных партах.

Пока тучи по ошибке пропускали осеннее солнце, моя память тоже ошибалась, заменяя в памяти лицо отца на мутное пятно — такое же, какое остается на скатерти, когда на нее проливают бульон — не важно, куриный ли, или свиной: он в любой случае будет отдавать мертвечиной. Мне оставалось только вопреки всем табу давиться этим супом, надеясь, что дерево внутри меня вырастет пышным, раскидистым — таким, из которого получают самые

белые книжные страницы. Земля и будущее требуют удобрения:
приятного аппетита всем сотрапезникам по эпохе.

МИТЯ САВИНЦЕВ

Родился в 1992 году в Барнауле.
Писал для блога
арт-группировки «Табилан».
Публиковался в интернет-газете
«Прыщ» и интернет-журнале
«Внеклассовое чтение».

ХЕНТАЙ ПОДЕРЖАННЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Михаил работал продавцом подержанных автомобилей.

Каждое утро он приходил в свой офис — тесную, слепленную из частей грузового контейнера «конуру» на стоянке для безвозвратно эвакуированных автомобилей, и начальник орал ему в лицо: «Сделай так, чтобы все пошло по плану, Дима!» Почему Дима, Михаил не спрашивал, а про план он знал: нужно продавать как можно менее привлекательные экземпляры как можно дороже да побольше. Но вот в чем проблема: потенциальные покупатели, честно сказать, нечасто заглядывали закупиться и даже просто прицениться, а если и являлись, то в нерабочее время, ближе к ночи. Уходили, точнее, уползали они утром с адовым похмелом, вызванным прилунным общением со сторожем Валерием. Поэтому у Димы, точнее у Михаила, был один способ продать автомобиль — выходить в ночные смены вместо Валерия и проводить сделки под неизбежное чоканье, не превышая допустимое промилле. Иногда это ему удавалось, от силы несколько дней, но потом — разумеется, все-таки назююкавшись — он заключал ужасно невыгодную сделку (в лучшем случае) или (в худшем случае) предприятие оказывалось на грани банкротства. Чтобы начальник не обременял свою привычную фразу оскорблениями вроде: «Дима, ты говно, оккупант и монгол!», Михаил принимал все обязательства по долгам на себя. Расставаться с работой Михаил не был готов — не имел права лишать свою семью хлеба — но её нужно было каким-то образом оптимизировать, чтобы она начала приносить деньги, а не убытки.

88

В попытке выправить своё финансовое положение Михаил пошел на эксперимент. Днем, как только начальник отбывал на рыбалку, подсобное помещение, чудом выделенное на площади «конуры», одним движением Михаила превращалось в конспиративную точку сбыта хентая. Хентай — это такое экзотическое хобби, причудливое сочетание незаурядного коллекционирования с отчаянным рукоделием. Вряд ли столь экстравагантное развлечение нашло бы отклик у изъеденных бытом земляков Михаила, если бы не эпидемия сексуальных домогательств, буйствовавшая в городке без малого два года. Михаил, сам того не осознавая, придумал «лекарство». Вывести его на хорошо прогретый рынок не составило труда.

Каждый день стоянку миновали рабочие консервного завода: к заводу вела только одна дорога, и только она вела от него, если, конечно, человек не направлялся в мир иной (туда дороги не нужны). Едва завидев их унылый строй, Михаил выбегал за ограду из сетки-

рабицы, размахивая цветастым выпуском «Ассенизатор-чана» и издавая звуки, создающие, по мнению Михаила, ореол ориентальной таинственности. Рабочие, как ни старались, всё же обращали на него внимание и, щедро одарив окружающую среду смачными ругательствами, меняли курс. Они подходили к Михаилу оказать помощь, положенную при приступах эпилепсии (так они думали), а уходили без пары бумажек в кошельках, но с парой бумажек под мышкой. Так зародилось настоящее, хоть и ограниченное территорией городка, паломничество к стоянке подержанных автомобилей, чему обрадовался начальник Михаила, когда под плеск жижи в бутылках ему об этом доложили коллеги по рыбалке. Истинная причина популярности его объекта была за гранью его понимания, иначе...

89

Втайне от него работа шла круглосуточно по двум фронтам: днем в приличных объемах скупалась печатная продукция; ночью, если повезет, автомобильная. Главное, что в кассе теперь стабильно поддерживался минимально допустимый уровень денежных средств, за что Михаил и получал зарплату. Ну, ту зарплату, что он делил с Валерием, который любезно, но не безвозмездно уступал Михаилу ночную службу, и Никой, двоюродной сестрой Михаила, которая ежедневно выводила нужные сочетания изгибов и красок у себя на чердаке. Когда-то она рисовала на досуге, исключительно в собственных творческих целях и в основном без аудитории, но с тех пор, как у результатов движений её кисти появились поклонники, она была вынуждена отдавать всю себя и своё время удовлетворению новоявленного спроса. Теперь Ника могла делать то, что давно хотела — эпатировать публику и получать за это жалование. Ну, то жалование, что она принимала из рук Михаила, которому также регулярно приходилось давать на лапу представителям санитарной, пожарной и налоговой инспекций. Если у тех возникали вопросы к подсобке и происходящему в ней, он утолял их любопытство из своего кармана; если к продаже автомобилей — из кассы, в теории, но чаще все-таки из своего кармана. Выполнив все необходимые финансовые операции, Михаил выходил в ноль и оставался в нем наедине с ощущением собственной значимости и радостью от новых знакомств, случающихся в кои-то веки не по «синей» теме. Семье же его приходилось влачить полуголодное существование.

Как и деньги, жизнь Михаила разделась без остатка: на две полноценные смены. Но и эта новая реальность обернулась сном разума с настолько туманным сюжетом, что различить отдельные эпизоды и уж тем более общий смысл этого «сна» было практически невозможно. Поэтому Михаил умудрялся ошибаться в самых простых

действиях — хотя со сложными справлялся успешно, и притом машинально — и не замечать, что дела обстоят в действительности куда хуже, чем могло показаться. Если в первое время, когда его вновь обретенная ипостась еще не разрослась до пугающих размеров, он путал входы с выходами, рассветы с закатами и левые ботинки с правыми, позже он перестал отличать причины от следствий, доброту от слабости и шины от машины. Критической точкой стал момент, когда Михаил перепутал Hyundai и «хентай». Видели бы вы лицо того человека, который нечаянно чуть не стал владельцем занимательных иллюстраций, отсылающих к культуре Японии! За уже уплаченную стоимость он рассчитывал на пару пустяковых ключей от пускай не до конца раздолбанной, но все же б/у-шной импортной жестянки. А ему суют на подпись соглашение, по которому он на неопределенное время становится обладателем жалкого подобия произведения искусства, причем произведения похабного, компрометирующего его честь и даже не оригинала! В том месте, где должно было дремать либидо, у старого импотента высоко подняло голову ханжество. Старик всем своим видом показывал, что воспринял надругательство над самурайским кодексом чести не иначе, как личное оскорбление. Сотрясениями воздуха и, возможно, головного мозга Михаила не обошлось: факт кощунства был предан огласке во время совместной с начальником Михаила рыбной ловли под плеск жижи в бутылках. Начальнику дали понять, что размер компенсации за причиненный моральный ущерб будет определять суд, и определять с большим пристрастием.

90

Во исполнение условий невероятными усилиями достигнутого мирового соглашения Михаила уволили. Однако туман в его голове эта перемена не выветрила, поэтому он ничего не заметил и продолжил действовать в своем режиме. На стоянку путь был ему заказан; к тому же вакантную должность продавца занял Валерий. Но Михаил туда и не пришел, перепутав повороты и оказавшись на пороге у Ники. В его оправдание скажем, что перепутать мансарду с его прежним местом работы было несложно: та же теснота, те же бутылки, расставленные по углам, те же бычки и та же бумага где попало, та же безлюдность. Да, Ника ушла, оставив на столе развернутый чистый лист ватмана, как бы приглашающий осквернить его краской.

Причиной ухода Ники было не желание защитить кузена от подозрений в собственной неадекватности, а всего лишь утрата источника дохода. Она привязалась к деньгам и расстроилась, когда они перестали регулярно появляться в её жизни. А вот по аудитории она не скучала: ей уже осточертело рисовать на заказ, и она всерьез

решила сменить деятельность. Недолго ей пришлось идти по единственной улице городка, чтобы попасть в такую незамысловатую и всеми успешно забытую сферу, как продажа подержанных автомобилей. Между нами говоря, иначе и быть не могло: в этом городишке всем желающим трудоустроиться приходилось выбирать между стоянкой и градообразующим консервным заводом, упомянутым ранее.

Бывший начальник Михаила принял художницу с распростертыми объятиями, крича ей прямо в ухо: «Только делай всё, как надо, Дима!», сходу назначил её ответственным специалистом по дежурству в ночное время суток. Почему Дима, Ника спрашивать не стала, а в должность вступила без лишних раздумий, благо, никакого плана ей предъявлено не было. Она еще не знала, что прежние покупатели автомобилей решили отказаться от вековой традиции ночных посиделок: та с недавних пор стала вызывать у них неприятные воспоминания и дискомфорт в области чистоплутьства. Зато им стали доступны возлияния в светлое время суток в компании с Валерием, который казался им глыбой. Если бы Ника знала о таких переменах, предшествовавших её появлению, она вздохнула бы с облегчением, поскольку её цель — сделать успешную карьеру — можно было достичь, только используя каждую секунду с пользой. Устроившись в конуре, она намерилась всю себя и своё время отдавать штудированию журналов на автомобильную тему из расчета, что это однажды позволит ей подняться на одну ступеньку карьерной лестницы, последнюю для женщины в этой компании — ну, и в городе тоже.

91

Валерию переход в коммерческий отдел дался очень легко. Оказалось, что для успеха в новой должности нужно немного иначе работать лицевыми мышцами и языком во время застолья. Тогда звуки, источником которых было его тело, не только способствовали продолжению банкета и игры в карты, но и стимулировали активное покупательское поведение собутыльников. Начальник кричал ему: «Молодец, Дима, еб твою мать!», хотя та мать давно уже отдыхала от земной жизни.

Михаил, обнаруживший как будто на своем рабочем месте, а вообще, на чердаке у Ники кисть, краски и прочие художественные принадлежности, долго собирался с мыслями и в конце концов пришел к выводу, что раз они в его руках, он сидит с ними за столом, а Ники поблизости нет, то значит, он — это Ника. А главной определяющей чертой Ники для него (только потому, что он плохо знал свою двоюродную сестру и общался с ней в случае крайней

необходимости) была способность писать картины, разжигающие страсть в мужчинах любых возрастов — и неважно, смеют они признаться в этом или нет. Пускай техникой рисования он не владел, да и о сути хентая имел весьма отдаленное представление, он принялся выражать на бумаге то, что было на уме — подержанные автомобили. За свою жизнь он повидал автомобили в самых разных позах и без самых разных деталей, поэтому ему было что рисовать. Машины без дверей, машины с сорванными в порыве страсти крышками капотов, их выставленные на всеобщее обозрение внутренности, хомуты и стяжки, надраенные глушители, капающее с конца шланга масло и спущенные шины — в эротомеханике Михаил знал толк. Он даже сочинил несколько объединенных общим сюжетом комиксов про очень старые автомобили, которые мучались от упадка лошадиных сил и позора: напрокат их брали только в деревнях, чтобы хранить в багажнике картошку.

Разумеется, хентаем это можно было назвать с определенной долей условности, к которой не были готовы новые ночные гости Ники. Это были всё те же любители рисованной порнушки, которые смекнули, что днем подсобка переполнена враждебно настроенными, невоздержанными и, как граненый стакан, посвятившими свою жизнь алкоголю святошами. Обуреваемые животным инстинктом и зудом в причинном месте, они были разочарованы революцией в репертуаре художественных произведений: они требовали женщину, и женщину, обязательно выполненную в виде двухмерного изображения! Предложенные же Никой фотореалистичные произведения кузена вызвали ярое негодование у них и очередной всплеск преступности, особенно в части сексуальных домогательств в городе.

Так бы и умер Михаил от голодной смерти при неизвестных для его уже бывшей семьи обстоятельствах. Спасла его оплошность Ники. Однажды от усталости она забыла один из выпусков, что были посвящены тяжеловесной судьбе винтажного авто, на работе. Не прошло и суток, как выпуск был обнаружен — в самый разгар пьяных «переговоров», когда ослепший от избытка ацетальдегида в организме Валерий шарил плохо слушающейся рукой в поисках ключей от продаваемой машины и скинул всё лежащее и стоящее на столе на пол. Среди прочего там был журнал, который и подобрала волосатая, покрытая пятнами рука того самого поборника морали, чьи вопли когда-то стоили Михаилу работы. Держа перед собой новое воплощение формулы лекарства от мужского одиночества, но не догадываясь о личности его автора, старик застыл. Его взгляд приковало содержимое моторного отсека, которое, скрытое от глаз

простых обывателей где-то в глубине кузова, предстает во всём искусственном не-естестве только перед мастером и только во время особо интимных махинаций, а теперь — что важно — полунамеками, во всем разнообразии и искусном исполнении явлено на развороте обычной школьной тетради в клеточку. Его сердце, упорно сражавшееся который год с атеросклерозом, не выдержало и размягчилось, распалось на волокна мышечной ткани, и те, подобно виноградной лозе, обвили отпечатавшийся в нем образ обнаженного металла и изгибающихся змеей пластиковых трубок.

Так он впустил искусство в свою жизнь. Даже если бы в этот момент его останки упали, пролив только что плескавшуюся в бутылках жижу, эта смерть не дала бы нам повода отрицать, что искусство всё же имеет значение для человеческой цивилизации, и значение гораздо большее, чем имеет та розоватая пустота, которой являлась жизнь его жертвы.

Но в реальности жертва та принесена не была. Описанный эпизод был воскрешен в памяти во время следующего сеанса рыбной ловли с начальником Димы, Валерия, Ники и Михаила, и даже настойчивый плеск жижи в бутылках не смог помешать этому. Бывший автолюбитель слезно признался, что решил провести остаток своей жизни за созерцанием детализированных схем и диаграмм, которые, как оказалось, несут в себе не только утилитарный смысл, но и большой эстетический заряд. Отныне его интересовали только поиск автора и — по обнаружении — забота о нем, дабы не останавливалось творчество.

Его собеседнику эта новость никак не могла прийтись по душе, ведь деньги, которые он рассчитывал выручить с продажи машины и, скорее всего, не одной, грозились уплыть в поддержку современного искусства, совершенно им непонятого. Поэтому лишь номинально посвященный рыбной ловле досуг, которым он ни разу за свою жизнь не пренебрегал, был досрочно прерван ввиду форс-мажорных обстоятельств.

Начальник устремился на свой объект. Ему было очевидно, кто проявил себя с неприглядной стороны — как источник бесстыжей пропаганды превосходства нематериальных ценностей над материальными, — поэтому он намеревался заключить под стражу, казалось бы, исправно заключающего сделки Диму. Но, прибыв на «квадрат» (стоянка была прямоугольной формы), начальник обнаружил, что Дима по меньшей мере временно невменяем и недоступен для общения на человеческом языке. Поэтому был срочно объявлен внеочередной выходной: на двери тут же появилась

табличка с соответствующим объявлением, а все посторонние в экстренном порядке покинули помещение под воздействием метлы. Дима и стул, обычно служащий для удобства клиента, стали неразрывным целым (их связала крепкая веревка); у ножек стула разместился тазик, чтобы содержимое Диминого желудка не забрызгало казенное имущество. Дима всё происходящее с его телом воспринял безропотно и нестойко, как и полагается в состоянии алкогольной комы.

Под вечер, согласно графику, на работу пришла Ника. В глазах начальника это был уже второй Дима в одной комнате. Поскольку Дим стало слишком много, второй Дима так же был отправлен под тесные путы на стул. Чем меньше различий между подчиненными, тем начальнику легче. Возобновился допрос Димы: откуда взялись журналы, кто состоит в редакторском комитете, наконец, по какой цене можно реализовать штуку. Первый Дима отвечал стандартным для себя молчанием. «Тысячу уев», — по-деловому ответил второй Дима и моментально в глазах допрашивающего превратился из мелкого подчиненного в перспективного бизнес-партнера, по совместительству очаровательную Веронику, последнюю для средней руки бизнесмена надежду на спасение от разорения вследствие в пух и прах проигранной конкуренции. В своих же глазах Ника превратилась в вершительницу своей судьбы и разрушительницу чужих миров.

94

Она уже и правда ясно видела, как судьба вершилась, а миры рушились. У них с кузеном своё предприятие — лавка комиксов. Они сами и создают, и издают, и продают продукт клиентам, которые будут днем и ночью приходить и подходить двумя потоками к одной из двух имеющихся полок широкого стеллажа (больше для этого городишки и не требуется). Площади им любезно и безвозмездно предоставил начальник, который уже и не начальник вовсе, и даже не младший партнер, а Царствие ему Небесное, первый и главный спонсор всей этой затеи. Валерий нанят, как прежде, сторожем, а рабочие консервного завода, как прежде, ходят мимо, иногда переругиваясь на японском.

Ника полностью поглощена своим новым занятием. Одной рукой она рисует то, что попадет завтра на одну из полок стеллажа, другой считает деньги, которые попадут в карманы представителей инспекций или пойдут на увеличение производственных мощностей. её цель — заработать столько денег, чтобы можно было работать не ради денег. Хотя бы лет пять. Но всё явственнее проступает в её творчестве, всё больше напоминающем конвейерное производство,

механическое. И виной тому не то его коммерческие основания, не то её прошлый опыт работы в сфере подержанных автомобилей.

А вот Михаил другое дело: он рисует обеими руками на чердаке то, что потом заберет курьер и поставит на вторую полку для продажи. Курьер приходит по два раза в день, утром и вечером, но даже не знает имени этого увлеченного своим занятием человека. Как не знает и сам Михаил.

Но хотя бы Димой его больше не зовут.

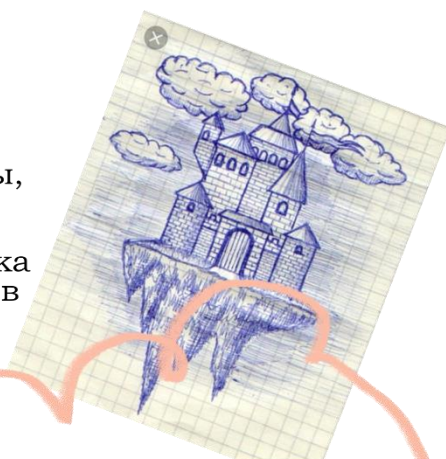

Ступень
черная

АРИНА СЕМЧУГОВА

Редакторка, пишу стихи и рассказы, веду телеграм-канал «описки и отписки», рассылку «Меня часто не спрашивают». Выпускница журфака СПбГУ, курсов WLAG и CWS. Живу в Петербурге.

Фото: Анастасия Кругликова

ЯТЕБЕДАМ

У меня шесть татуировок, на каждой по цветку. «Вся в наколках». Если курю, то принципиально беру красный мальборо — вместо фильтра там, видимо, строительный утеплитель, из-за него у меня желтые зубы и всегда обожженный язык. Мать злится, если находит зажигалку, Матвей делает вид, что не замечает — всё, что делает старшая сестра, кажется ему умным и правильным — питерские друзья просто ищут, у кого бы еще стрельнуть: «Красный жестко». Вот тебе и Аринка.

Мне, по правде, совсем не нравится курить, но так я делаюсь смелее и старше. Показуха. Сама от запаха проваливаюсь лет в пять, а мир схлопывается до лоджии у вас на старой квартире: ты в кожаных тапках и халате, я босая и разглядываю людей, которые чешут со своих работ. Сейчас докуришь, и вместе пойдём есть макароны с горчицей. «Матери не говорим?»

ятебедам

Я, как понимаешь, решила пересказать тебе новости и пару своих секретов. За 13 лет ты столько всего пропустил, что вообще перестал быть похожим на заммэра города. Плюс мама с бабушкой сдали все твои истории: про первую жену, пьянки в мэрии, то, как там тебя подсадили, ровно в 60 ты вышел на пенсию, заболел и умер. В 25 меня приняли в клуб, где сплетничают по-взрослому, а ты единственный, кто меня взрослой не знал. Этим и нравишься.

Главная новость — продали дачу. Вот так, вместе с яблонями, крыжовником, смородиной и малиной. Как там ты писал: *«Рыжиков нарежу, из ручья напьюсь»* — это, считай, история. Бабушке с двумя теплицами тяжело, плюс, такие сейчас времена: сначала пандемия, из-за которой перекрыли границы, все сидели по домам и умирали. Теперь люди умирают по другому поводу, а в экономике отрицательный рост.

Хорошо, конечно, что у вас там нет телевизора. Ну и дачу жалко.

ятебедам

Помнишь, была такая игра: родители качают меня на руках, а ты пытаешься схватить за ноги и кричишь «ятебедам»? В чем ее смысл? Мне всегда казалось, что это не три отдельных слова, а какое-то заклинание — крэкс-пэкс-фэкс, ятебедам. Не хватает бубна и

соломенной юбочки, но ты заммэра и остаешься им даже на пенсии или в гробу.

Может, суть в том, что пытаешься меня схватить, но никогда не ловишь? Или это просто пароль, чтобы разблокировать детские воспоминания? Или ты специально заучил во мне это слово, чтобы в случае вот таких расхождений в пространстве мы не теряли связь?

ятебедам

Через год после тебя умер Шурка. То ли от эпилепсии, то ли с перепоя. А может, от всего сразу — никто и не знает, в какой конкретно день. Напился, закрылся в комнате, прабабушка Аня только через пару суток заметила, как Шурка притих — обычно же дрался, искал деньги. Прабабушка пару лет пожила спокойно, потом умерла — тоже спокойно. Сан Саныч умер от рака, как ты.

Родители не взяли нас с Матвеем на похороны ни к тебе, ни на все остальные — раньше я переживала, потому что в жизни не было драматичных событий и не получилось настрадаться чем-то в полную силу. Ну, чтобы друзьям пересказывать или писать великие стихи.

99

Если честно, я ничего не понимаю в смерти и у меня на этот счет магическое мышление. Забрала у бабушки твою цепочку и держу ее в руке, когда загадываю желания. Выхватила в «Докторе Живаго» про «смерти нет» и теперь всем цитирую: *«Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душой, вашим бессмертием, вашей жизнью в других. И что же? В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью».*

Я как это прочитала, обрадовалась, что знаю тебя только живым: знаю, как у тебя все диваны и сиденья застелены покрывалами, как игрушечные собаки кивают под диск Михаила Круга, как на кухне всегда спрайт, варенье и НТВ, как ты говоришь «мусорница» или «получка», как зовешь Матвея «партизан-железник», а меня — «Аринка-а» с тягучим «а» на конце. Как я протягиваю тебе печенье «Юбилейное» на горячей лавке у больницы — жара в десятом году была под сорок градусов, — а ты не берешь, и это последнее, что я знаю про тебя не по рассказам.

Кстати, помнишь Рому, тетявалиного мужа? Он тоже умер — всем сказали, что от сердечного приступа, но у него была какая-то страшная болезнь и здоровенная гангрена. Короче, повесился. У меня

был свой такой Рома, только с гангреной в виде жены. Но это я уже перепрыгиваю.

ятебедам

Мама показывала тебе с той женщиной свидетельство о разводе. Маргарита... Я тогда хихикнула, как же мы с тобой подпортили семье репутацию. Ну, как подпортили. Просто все намагнитили свои половинки с первой попытки — нам магнитились только ободранные бумажки, и к каждому — по истории, которая разошлась на причитания, сплетни и бесконечные разочарованные стихи. Расскажу тебе про свою большую любовь, чтобы не решил тут, что я сочиняю.

Всем врал, что познакомились в баре, но на деле — через Тиндер, это типа сайт знакомств. Решили увидеться — стояла у рюмочной, рациональная я спрашивала нерациональную, на кой черт мы вытащились к незнакомому человеку ночью. Как только вылез из такси, моментально всё поняла и погибла.

Жизнь в то лето натягивалась струной: целовались в метро, говорили «смотрю на тебя и вижу самого красивого человека», бесконечно пили джин — так много, что язык вязнет и приходится прищуривать глаз, чтобы комната перестала крутиться. Покупали в Икее посуду, собирались съехаться, собирались переехать в Китай. Мама плакала и придумывала всякие ультиматумы, но ты бы понял, ты же в Китае был, только без Маргариты.

Смущало, что не рассказывал, сколько ему лет, терялся и находился, пил и обещал, а потом впадал в невыносимую депрессию. А как-то ночью струна лопнула и хвостнула меня по лицу: «Арина, здравствуй, я Таня, жена Ромы. Познакомимся?» Погибла еще раз, когда у них родился ребенок — высчитала, что спустя девять месяцев, как мы разошлись.

Хотела написать, что решила больше никого не любить, но у нас тут вроде откровенный разговор, и ты после Маргариты встретил бабушку. Хотя первую так любил и хотел с ней жить, что мать был готов по велению выселить. Вот скажи, ты ли всё пережил и перерос, или твои стихи про Маргариту?

ятебедам

Я всё-таки переехала в Питер, отучилась на журфаке — у меня красный диплом и модная работа, которую было бы сложно тебе

объяснить. Ставлю бутылку спрайта, ты уже перестал слушать и хвастаешься перед тамошними приятелями: «Аринка окончила ЛГУ, теперь она журналистка».

Было там слышно мои стихи про тебя? Первый, надеюсь, нет, он такой отвратительный — что-то про рюмку, опрокинутую невидимым пальцем, *«как славно венками прикрыта последняя дата»*. Помнишь, я говорила, что хотелось чем-нибудь настрадаться и придать жизни эпохальный смысл — в школе писала по стихотворению в день, все только и восхищались, какая же я талантливая.

Я тогда не боялась слов, не перекачивала их во рту, не подслушивала и не воровала — просто вытаскивала из себя, как есть. Не воевала с писательством и была уверена, что слова на моей стороне. Думала, только меня и ждал этот чуткий податливый материал, что слова моментально пойдут на контакт, что слова поймут меня. Что бесконечный перебор не прожжет внутри дыру, что достаточно побольше их натолкать, сбить в кучу и ждать, что мир похлопает по спине, как ребенка после удачного срыгивания.

101

Почему-то помню, что ты писал только из удовольствия. Лежишь на диване у лоджии, ловишь музу, дальше записываешь без перечеркиваний и исправлений. Ни разу не видела, чтобы ты, как я, прятал свои тексты — наоборот, издавал их и дарил тоненькие сборники всем подряд, покупал аранжировки на свои песни. Как у тебя получилось не возненавидеть слова, не сбегать от них и не ждать подвоха? Я, пока писала это письмо, сто тыщ раз сдалась.

ятебедам

Мама придумала теорию, что у каждого есть девять жизней — вот как начинаешь тратить их сомнительно, так и становится понятно, на какой по счету ты. Про себя говорит, что она на девятой — мама самая сильная из всех, и, если придется, только она переживет наши похороны: даже Матвея и мои. Не знаю, почему так чувствую.

Папа с Матвеем на пятой или шестой: знают цену себе и своему делу, видят красоту в простых вещах типа рыбалки, но у одного проблемы с выражением чувств, а второй хочет во всём ему подражать. Думаю, лечится возрастом — по маме, следующей жизнью.

Бабушка сейчас на четвертой — видимо, потому что слезы близко, и она может расплакаться хоть от стихов, хоть от воспоминаний про тебя, хоть потому, что мама на полтона повысит голос. Ну, ты помнишь бабушку.

Мы с тобой, если верить маме, на второй. Романтизируем мир: все в нем — рыжеголовики, сепия и утренние песни — приносим на хвосте истории, заглядываем людям в глаза и рот, чтобы нас заметили и полюбили. Тонко чувствуем, потому что не успели затереть глаза — это плюс. Любим по-всякому разрушаться, как будто в запасе есть еще попытки — это нас и подводит.

Хотя, ты уже, наверное, перешел на третью жизнь. Что ж, старших вперед.

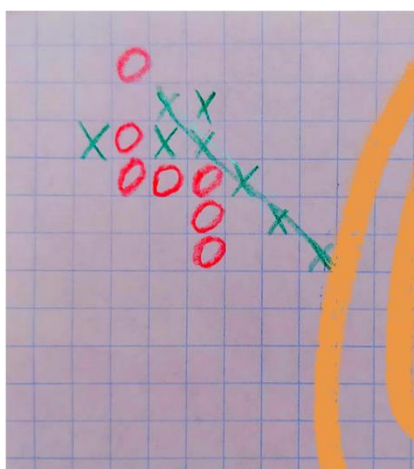

КАТЕРИНА СПИРИДОНОВА

Родилась в городе Салават республики Башкортостан, живёт и работает в Санкт-Петербурге. Филолог, поэтесса, художник-иллюстратор, организатор проекта «Литературная гостиная» (СПб).

Автор фото: Катерина Скабардина, для проекта «Поэту по портрету»

ПЕРЕВОДЧИК

Говорят, заниматься художественным переводом — то же, что чистить лук: думаешь, что справишься, но всё заканчивается рыданиями на кухне.

В студенческие годы я могла себе позволить рыдать также и в ванной, и в комнате. Иногда мы с моей соседкой и однокурсницей рыдали дуэтом: она с английским подвыванием, а я — с французским. Перед сессией общежитие филфака рыдало стройным хором: дирижёром в таких случаях выступали часы, вращающие стрелками, как Гергиев палочкой. Вой смолкал только под утро, когда несчастные исполнители набивались в автобус и перемещались в здание университета, чтобы там тихонечко поскуливать финальный акт оперы «Экзамены» у двери в кабинет преподавателя.

Тем, кто думает, что выучить язык — это запомнить несколько сотен правил и пару тысяч слов, я люблю рассказывать историю про экзамен на четвёртом курсе. Нам выдали два абзаца текста, которые в напечатанном виде занимали всего полстранички. Полтора часа, право пользоваться словарями, справочниками и с ними иже. Рыдать захотелось на первом же предложении. Это очень странное чувство: ты прекрасно осознаёшь, о чём пишет автор, но никогда в жизни не сможешь рассказать об этом на другом языке. То есть, сможешь, конечно, но это будет такой не-великий и не-могучий, что самой тошно станет. Тогда всей группой мы получили тройки и радовались, как дети у киоска с мороженым, а когда попросили у преподавателя правильный вариант перевода, он усмехнулся и сообщил, что его нет. Конечно, я восприняла это как издёвку. Принеси то — не знаю что — да уж, на филфаке не жизнь, а сказка! И подленько так хихикнул ведь! Садист!

Но, наверное, не было смысла идти в университет, если боишься таких задачек. После школы я уже вполне бегло лепетала по-французски — и на том могла бы остановиться. Ведь того было достаточно, чтобы заказать кофе и круассан в парижском кафе: официант улыбнётся твоему умильному акценту, но капучино принесёт. Зачем нагружать себя лишней работой? Но я хочу говорить так, чтобы официант подозрительно смотрел на меня, не веря, будто я из России. Я хочу произносить «bonjour», как его произносят на Монмартре, а не в средней школе посёлка городского типа.

Теперь я, высокообразованный человек с двумя дипломами, сижу на кухне. Лук почищен, порезан и отправлен в кастрюлю с

кипящим борщом. Мой личный дирижёр, сохранившийся еще со студенческих времён, показывает шесть вечера.

«All you need is love», — это мой мобильный. На экране высветилось фото не то чтобы моего парня, скорее навязчивого поклонника, который постоянно предпринимал попытки выбраться из фрэнд-зоны, но делал это так нелепо и неуклюже, что меня пробирал смех, а временами — жалость.

— Алло?

— Привет, красавица! Может, выпьем кофе сегодня вечером?

— О, ты знаешь, я как раз сегодня жутко занята. Давай потом, ладно?

— Конечно, конечно. Ну, не отвлекаю тебя. Тогда до встречи?

Я вздыхаю и кладу телефон на стол. На самом деле моя ложь переводилась как «Я не хочу пить кофе с тобой». Впрочем, соврала я только в слове «жутко»: у экрана компьютера меня ждал непочатый рассказ модного французского автора, на перевод которого у меня была неделя. Так что занятие, несомненно, было.

В ходе болтовни с коллегами опытным путём было установлено, что большинство из них включает фоновую музыку «для атмосферы». Я же из тех динозавров, кто работает в тишине. В такие моменты лучше слышишь внутренний голос.

Я открыла текст.

«Сесиль стояла у окна своей роскошной квартиры и смотрела на мигающую разноцветными огнями Эйфелеву башню. От слёз в глазах они расплывались, а гигантская шпилька казалась призракoм этого по-французски равнодушного города. Девушка отмечала свой девятнадцатый день рождения бутылочкой Veuve Clicquot, найденной в кладовой родителей.»

Не очень люблю подобные сентиментальные плевочки, но работа есть работа. Вот когда у меня в шкафу будет стоять «Вдова», тогда и буду носом вертеть.

«Вечеринка только что закончилась. В комнатах было пусто, на террасе — по-сентябрьски свежо. На втором этаже Сесиль заметила забытый шарфик Chanel. Значит, завтра позвонит Кристин, и нужно будет с ней встретиться. Впрочем, скорее всего, она просто пришлёт своего водителя, сославшись на невыносимую мигрень.»

«Бедный поклонник, — вдруг подумала я, — надо будет всё-таки погулять с ним». И снова попыталась углубиться в трагедию. Но то ли уровень драмы не дотягивал до моего внутреннего минимума, то ли... мысленно я оставалась где-то на поверхности, на мелководье... да нет, бред какой-то. Тряхнув головой и сдвинув брови, я снова уставилась в экран.

«Родители Сесиль дали о себе знать двумя переводами на карту “Crédit Agricole” — на каждый из них можно было бы купить по машине. С тех пор, как её отец занял солидный пост, а мать после развода вышла за его босса, такие подарки были — если не обыденны, то, во всяком случае, ожидаемы».

Сложно, мучительно сложно переводить такие тексты, когда в твоей кружке — растворимый кофе, а за окном — спальный район и заводские трубы. «А могла бы сейчас пить апельсиновый латте в кафе. С эклером...» — «Серьёзно? Латте? Текст и дедлайн, вот что тебе светит сегодня и все ближайшие дни, спину прямо, глаза в монитор и работай!» — «...А вот чисто теоретически, что бы я надела?» — «!!!»

107 Усилием воли прервав внутренний диалог, я пододвинула ноутбук поближе и продолжила читать.

«Но главного подарка именинница так и не получила. В свои девятнадцать она всё ещё была испуганной пятилетней девочкой, которая только и мечтала, чтобы её обняли, погладили по голове и сказали: “С днём рождения, дорогая!” Для неё эти простые слова заменили бы весь мир».

В горле пересохло — я налила себе воды. Усевшись обратно за стол, всё никак не могла устроиться, ёрзала, двигала то кружку, то комп, то блокнот. Вдруг захотелось сделать непозволительную, немислимую вещь — переписать концовку по-своему, чтобы жизнь Сесиль была не такой уж беспросветной. Я бы могла продолжить, например, так:

«Но есть одна вещь, которую не сразу понимаешь. На свете нет родителей, которые по-настоящему ненавидели бы своих детей. Чаще всего просто не хватает переводчика — человека, который смог бы объяснить несчастным девочкам и мальчикам, что банковский чек на языке бизнесменов означает “Я люблю тебя”, что чем больше сумма, тем выше степень чувства — если у любви вообще бывает какая-либо степень, кроме абсолютной. Сесиль свободно говорила на четырёх языках — разумеется, она училась в лучшей школе у лучших преподавателей. Но никто из них не научил её переводить самые простые слова, поступки и подарки. Для такого

навыка не нужно заканчивать Сорбонну. Нужно разрешить себе смотреть на мир прямо и свободно, чтобы в каждом его движении видеть самое главное — любовь. Люди почти никогда не бывают плохи — просто вы не понимаете их языки».

Я глубоко вздохнула и откинулась на спинку кресла. Круто, конечно, переписывать историю выдуманной француженки — но как насчёт истории моей, совершенно реальной, вот так не вовремя позвонившей и упорно не выходящей из головы? Как насчёт перевода с собственного внутреннего языка?

Я взяла телефон, задумчиво протёрла экран. Впереди целых семь дней и ночей на то, чтобы разобраться с мучениями Сесиль. Неужели я не могу позволить себе один вечер без неё?

Поправив волосы, я набрала номер.

— Алло, привет ещё раз. Слушай, я тут внезапно освободилась. Твоё предложение ещё в силе? Да, в восемь я могу. Договорились!

Ух! Не страшнее синхронки. Внутри словно защёлкнулся невидимый замочек: появилось привычное чувство лёгкости. Так бывало всегда, когда мой перевод идеально сходился с оригиналом, когда отыскивалось то самое нужное точное слово.

Выключая компьютер, улыбалась. Не знаю, как будущие читатели отнесутся к рассказу о Сесиль, но, кажется, мне он уже кое-что принёс. И я не про гонорар.

МЕЛАНЛИЯ ФРУСТ

Получила психолого-педагогическое образование, так что психолого-педагогично воспитываю двух крыс.

Раньше работала дизайнером, сейчас работаю гейм-дизайнером, планирую работать дворником. Создаю свою Вселенную в тайне от «психиатров».

Пушкин
идёт
на
дуэль

УСАДЬБА

— А теперь посмотрите направо.

Юстина подчинилась монотонному голосу экскурсовода и уткнулась лбом в стекло.

— Перед вами усадьба Дементия Олеговича Ставрикова — крупного промышленника конца XIX века. В 1886 году он основал текстильную фабрику, а в девяносто четвертом открыл первый в нашем городе завод по производству кованных изделий, который до сих пор радует нас своей продукцией...

Автобус, окруженный толпой машин, стоял у ворот двухэтажного деревянного дома с треугольной крышей над удивленными и слегка испуганными окнами. Вдалеке, за рядом неподвижных машин, маячил светофор. Воняло выхлопными газами.

111

Юстина рассматривает садик за тонкой оградой: аккуратно подстриженный газон, ухоженные деревца и кустики с россыпью мелких желтеньких цветочков, невысокие елочки, просунувшие лапки сквозь прутья ограды, будто в стремлении поздороваться с прохожими. Сам дом, черный, украшенный белым резным кружевом, походил на кокетливую монашенку. Навесы и перила крыльца и двух балконов, наличники, подзоры и причелины — все сплошь покрыты мелкими узорами.

За входной дверью располагалась терраса, щедро уставленная раскидистыми и пышно цветущими растениями в напольных горшках. Отражавшее их высокое, с человеческий рост зеркало создавало видимость бесконечного цветника.

Из террасы можно выйти в просторную и чистую гостиную с лестницей, ведущей на второй этаж к уютным спальням с балконами. Дверь справа от лестницы ведет в зал с большим аквариумом, стоявшим у стены на кованных металлических ножках. За стеклом в песке под корягой и камнями копошится стайка сомов, между кудрявых зарослей красной и зеленой листвы важно проплывают крупные разноцветные рыбы.

Напротив, за столом у окна, играли двое мужчин. Хозяин дома — худой, с умиротворенным лицом, длинными седеющими волосами, усами и жиденькой бородкой, полулежал на стуле. Его оппонент, крупный человек с квадратным подбородком, мощными руками и

черными ястребиными бровями, напряженно вглядывается в свои карты.

— А теперь подметите направо, — елейно сказал Дементий Ставриков Юстине, стоявшей с веником в руках. — У вас там весь автобус в пыли!

— А мы вот так! — внезапно воскликнул гость и шлепнул по столу крестовым тузом.

— Женечка, давно бы вам пора понять, что сколько веревочке ни виться, а ноги всё равно в лес смотрят. — добродушно замечает Дементий, побив предложенную карту козырной дамой.

— Да как так-то?! — поразился Евгений, приподнявшись в кресле и плюхнувшись обратно. — Ведь без трусов последних, гад, оставляешь!

— Ну разве прям уж без трусов последних? Евгешенька, на всякого колодца водица найдется.

— Ладно, тогда я ставлю теткину дачу в селе Крученый Рог на правом берегу Клязьмы, а ты ставишь всё, что у меня отнял. Вот я щас и отыграюсь!

— Ну что же вы на меня наговариваете! Не отнял, а выиграл в честном поединке. Юстинушка, перемешайте карты.

112

Юстина кладет веник и запускает руки в кучку цветных бумажек, которые от прикосновений рассыпаются, как песок. Она мнет, пересыпает, перемешивает карточную массу до тех пор, пока та не становится массой однородной, серой. После чего девушка собирает мешанину горкой, отряхивает руки и отходит от стола. Из серой горки начинают вылетать в руки игрокам новые карты рубашками вверх.

Начинается игра. Красный от гнева, Евгений раз за разом ударяет бумагой по столу, как будто надеясь вдолбить очередную масть в древесину ли, в голову оппонента ли. Дементий со спокойной улыбкой побивает все предложенные карты.

— Последнее забрал, Ирод! — шепчет побледневший Евгений, когда игра оканчивается. — Подонок! Всё отнял!

— Женечек-дружочек, ну разве вы не знаете...

— Знаю! — взревел Евгений. — Сейчас я тебе покажу «Женечек-дружочек»!

Вскочив, он хватает стул и пытается ударить им Дементия. Но тот оказывается проворнее. Увернувшись, Ставриков вскакивает и бросается прочь из зала. В дверях его догоняет Евгений, одной рукой

хватает за шиворот, другой за затылок, разворачивает и что есть силы впечатывает лбом в аквариум. Стекло трещит, вода смешивается с кровью, испуганные сомики прячутся под корягу, разноцветные рыбы скрываются в листве.

— На тепле попросите как плавать, — послышалось из-за мохнатой стены красно-зеленых растений.

Стая огромных сонных разноцветных рыб проплыла несколько метров и снова остановилась, но течение, созданное ими, подхватило Юстину и плавно понесло в черный дом, украшенный белыми кораллами.

В террасе из густых зарослей аквариумных растений выглядывали бледные рыбки. В чистой гостиной, под ветками коряги, ведущей второй этаж, жались друг к другу перепуганные сомики. В зале справа огромный осьминог с черными ястребиными бровями ударял козырным камнем по распластавшемуся и покрытому мхом телу.

113

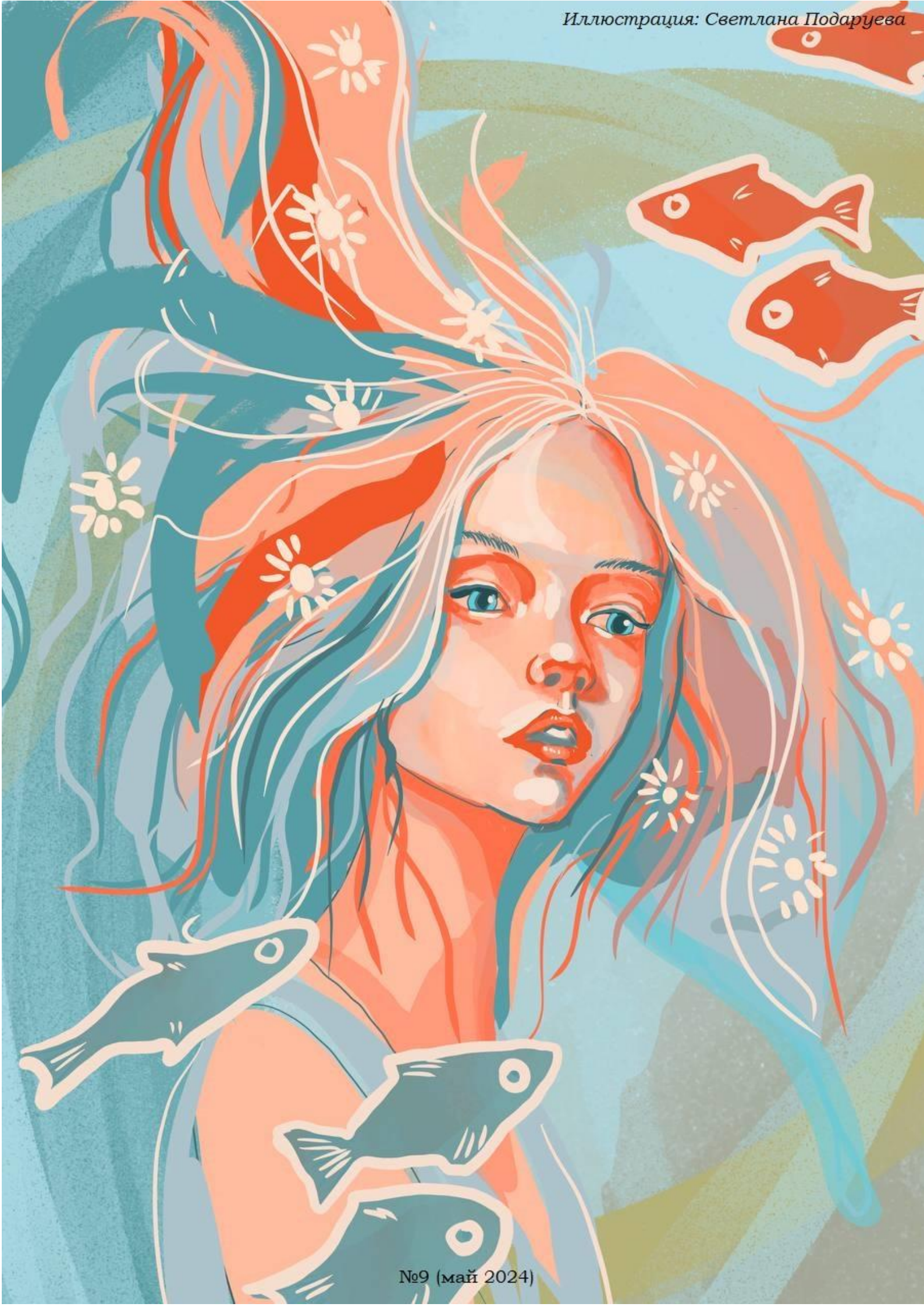
Внезапно налетевший поток машин несет Юстину, рыб и осьминога к светофору, горевшему зеленым.

— А теперь посмотрите направо: перед вами усадьба Дементия Олеговича Ставрикова, крупного промышленника конца XIX века. В 1886 году он основал текстильную фабрику, а в девяносто четвертом открыл первый в нашем городе завод по производству кованных изделий, который до сих пор радует нас своей продукцией. В 1912 году Дементий Олегович был убит из-за карточного проигрыша своим другом и бывшим одноклассником Евгением Пертухиным. При советской власти в этой усадьбе был расположен клуб аквариумистов, а в наши дни в нем открыли частную школу.

— Ох, слава те, батюшки-святы, — воскликнула сидящая слева женщина, окончательно разбудив Юстину. — Наконец-то эта пробка закончилась!

Автобус набирал скорость. Усадьба Ставрикова осталась далеко позади.

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

